0660389-1

ЗНАНИЕ

Подписная научно-популярная серия

«Знак вопроса»

8'90

С.И. Венецкий

ЧТО ХРАНИТ ОКЕАН?

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Где покоятся сокровища, плененные пучиной? Как к ним добраться? Кто и когда пытался проникнуть во владения Нептуна? Кому это удалось? Что смогли люди добыть со дна моря? Об этом живо и интересно рассказывает брошюра. Выпуск рассчитан на широкий круг читателей.

- Сергей Венецкий
  - К читателю
  - Шаги в безмолвие
    - Столетия ушедшие в пучины
    - Всё из воды
    - Охота за золотом «Египта»
    - Приключения у «Ниагары»
  - Подводные «прииски»
    - Миллионы отобранные у моря
    - Сокровища легендарного галеона
    - Не златом единым
  - Тайны утонувших городов

Сергей Венецкий

Что хранит океан?

К читателю

Мировой океан… Как утверждает Большая Советская Энциклопедия, на долю «непрерывной водной оболочки Земли, окружающей материки и острова», приходится около 70% земной поверхности. Но разве могут «сухие» проценты выразить все величие Мирового океана с его грандиозными, не доступными нашему воображению объемами воды, с его безграничными просторами и бездонными глубинами? Приведем лишь один, но довольно наглядный пример: если все океанские запасы воды условно представить в виде уходящей в небо гигантской колонны диаметром в один километр, то ее длина почти в двенадцать раз превысит расстояние от нашей планеты до Солнца. Понимая всю условность такой сопоставительной модели, мы все же рискнули ее предложить читателям, чтобы показать поистине астрономические масштабы Мирового Океана, скромно именуемого «водной оболочкой Земли».

Тема в полной мере отвечающая названию данной брошюры столь же беспредельна, сколь беспредельны океанские дали. Чтобы дать более или менее полный ответ на вопрос «Что хранит океан?», понадобятся десятки солидных фолиантов. Но такой сверхзадачи мы перед, собой, конечно же, не ставим. Наша цель куда скромнее: рассказать лишь о некоторых интересных эпизодах из огромной летописи, повествующей о попытках человека раскрыть тайны океанского дна, пролить свет на те или иные загадки истории и бытия, найти хотя бы малую толику тех ценностей, которые отобрало у людей море. Речь пойдет о потерпевших бедствие судах, о тех порой сказочных сокровищах, что вместе с ними ушли в пучину, о тех городах, которые по воле судьбы и стихии скрылись под водой.

Итак, что же прячет от нас океан? Где покоятся морские трофеи? Как к ним добраться? Кто и когда пытался проникнуть во владения Нептуна? Кому это удалось? Что смогли вернуть себе люди?

Быть может, в какой-то степени читатель сможет найти ответы на эти и другие вопросы в брошюре, подготовленной по материалам отечественной и зарубежной печати.

Шаги в безмолвие

Столетия ушедшие в пучины

С древнейших времен человек стремился использовать морские пути-дороги для установления связей между разделенными водой континентами, странами, народами. Нередко моря и океаны служили и ареной жестоких сражений, в которых порой решались судьбы целых государств. За долгие столетия, что насчитывает история море плавания, неисчислимое множество всевозможных судов – каравелл и галеонов, фрегатов и бригантин, крейсеров и подводных лодок, пароходов и теплоходов – покидало родные берега, чтобы доставить в различные точки земного шара людей, товары, продукты и прочие грузы либо чтобы встретиться с врагом и решить спор с ним в морском бою.

Но далеко не всегда судну, а иной раз даже огромным флотилиям суждено было вернуться в свой порт, в свою гавань: могучие волны и ураганные ветры швыряли корабли на рифы и скалы, тяжелые, ядра противника пробивали деревянные борти и крушили мачты, взорвавшиеся пороховые бочки разносили в щепки палубы и надстройки, случайная искра в считанные минуты превращала роскошный лайнер в полыхающий костер. Во всех этих и подобных ситуациях дальнейшая судьба судна обычно была предрешена: оно погружалось в пучину, и океанское дно становилось его последним пристанищем.

Гибли люди, добычей моря оказывался и груз, находившийся в трюмах и каютах. Иногда он насчитывал лишь десяток другой амфор с вином или бочонков с оливковым маслом, но, случалось, вместе с терпящим бедствие кораблем в морской бездне исчезали тонны золота, серебра и других драгоценностей. Как полагают историки, только за последние пять столетий океан поглотил восьмую часть всей мировой добычи золота и серебра. Огромную ценность имели и многие другие грузы, ушедшие на дно в результате тысяч и тысяч случившихся, на море кораблекрушений.

Но безжалостная стихия обрушивалась в недобрый час не только на суда: печальный жребий стать ее жертвами выпадал и на долю некоторых прибрежных городов, поселений, островов, скрывавшихся под водой в результате землетрясений, извержений вулканов или каких-либо иных причин, порой так и оставшихся неизвестными.

Века приумножали богатства, плененные морем. Голубые чертоги Нептуна становились не только кладбищем останков погибших кораблей, но и хранилищем многочисленных загадок и

тайн. Океанское дно за тысячелетия превратилось в богатейший музей мира, в беспредельных залах которого словно застыла сама История. Удивительные экспонаты столь необычного музея могут рассказать его редким посетителям немало интересного о событиях давнего прошлого, о развитии в те далекие времена судостроения, морских связей, торговли, о тех драмах и трагедиях, что разыгрались некогда на зыбкой океанской сцене. И хотя сюда не нужен входной билет, попасть в сумрак подводных залов можно лишь в том случае, если удастся преодолеть наполненную опасностями преграду – десятки и сотни метров, а то и километры безмолвной толщи воды, охраняющей свои бесценные трофеи. С теми смельчаками, кому по плечу такая задача, море даже готово щедро поделиться частью своих несметных сокровищ.

Всё из воды

Попытки проникнуть в морские глубины предпринимались людьми еще в древности. Самое раннее изображение водолаза, обнаруженное на месопотамских надгробиях, датируется рубежом 5-го и 4-го тысячелетий до н. э.

Примерно на восемь веков моложе сходные по тематике рисунки, сохранившиеся на стенах гробниц древнегреческого города Фивы. В V веке до н. э. афиняне использовали водолазов при осаде Сиракуз. Спустя несколько десятилетий великий Аристотель сконструировал водолазное снаряжение в виде колокола, с помощью которого его не менее великий воспитанник Александр Македонский погружался в средиземноморские воды: таким путем он лично знакомился с подводными заграждениями финикийского города Тира, готовясь напасть на него с моря. Вскоре после успешной разведки город был захвачен войсками молодого царя-полководца.

Более двух тысячелетий водолазный колокол оставался основным техническим средством, позволявшим погружаться на сравнительно небольшую глубину, вести там поисковые работы и в случае удачи отбирать у моря найденные на дне ценности. С его помощью, например, некоему Уильяму Фипсу в конце XVII века удалось извлечь из воды значительную часть сокровищ испанского галеона, затонувшего вблизи Багамских островов.

С юных лет Фипс грезил о сокровищах, покоившихся на морском дне.. С тех пор как в начале XVI века испанские конкистадоры, высадившиеся на земли Американского континента, повели беспримерный по масштабам грабеж здешних народов и племен, на протяжении более двух столетий от берегов Нового Света то и дело отходили суда и флотилии, державшие курс на Пиренейский полуостров. Но, словно мстя завоевателям, океан не раз вырывал из их рук награбленное золото и серебро. Эти утонувшие драгоценности и не давали покоя жителю Бостона Уильяму Фипсу. Бывший корабельный плотник, он решил сменить профессию и стать контрабандистом, не оставляя при этом и мечту рано или поздно найти подводный клад.

Легко сказать – найти, но где, в каком месте необъятных морских просторов искать останки затонувших кораблей, нашпигованных сокровищами? Неизвестно, как в дальнейшем сложилась бы жизнь молодого искателя счастья, не услышь он однажды на острове Эспаньола зов о помощи, доносившийся из деревянного сарая. Этот хриплый крик оказался для него поистине счастливым гласом судьбы. Крепкий телом и не робкий

духом Уильям, не раздумывая, вошел в сарай и увидел, как двое парней избивают жалкого старика. Гнев Уильяма был столь очевиден, что те не только оставили свою жертву, но и тут же бросились наутек. «За что эти негодяи тебя били?» – поинтересовался Фипс у едва пришедшего в себя старца. В ответ тот поведал своему спасителю тайну, которую и хотели выведать сбежавшие молодчики.

Когда-то Оттавио – так звали старика – служил рулевым на испанском галеоне «Нуэстра сеньора де ла Кансепсьон». Фортуна оказалась неблагосклонной к этому судну: наскочив на рифы Силвер-Банк, оно разбилось и затонуло, унеся с собой несметные сокровища: слитки благородных металлов из Перу и Мексики, изумруды и другие драгоценные камни из Колумбии, жемчуг из Венесуэлы. Одним из тех немногих, кому удалось спастись, был Оттавио. Сознавая, что поднять со дна богатства галеона у него уже нет ни сил, ни средств, он дал Фипсу карту, на которую было нанесено точное место гибели судна. Взамен старик попросил лишь немного золота, если поиск увенчается успехом.

И успех пришел. Но прежде чем это произошло, на долю обладателя заветной карты выпало немало огорчений и разочарований.

Фипс понимал всю трудность и опасность предстоящего похода за сокровищами: ведь здешние воды были вотчиной пиратов, которые вряд ли бы благосклонно отнеслись к тому, что кто-то разбогател у них на глазах. Поэтому всю подготовку к экспедиции нужно было вести в строжайшей тайне, да и для технического оснащения экспедиции требовались немалые средства. Словом, нужно было искать, как теперь сказали бы, спонсора – богатого и могучего покровителя г И молодой контрабандист, так и не успевший проявить себя на этом скользком поприще, отправился в Англию, намереваясь заинтересовать своими планами самого короля Карла II. Этому монарху, большому любителю пышных веселий, на которые уходило немало денег, идея Фипса пришлась по душе, и вскоре тот на королевском фрегате «Роза Алжира» с 18 пушками уже направлялся в Карибское море к тем самым рифам Силвер-Банк, где его ждал (ждал ли?) затонувший испанский галеон.

Бросив якорь в том месте, которое было указано на схеме Оттавио, Фипс и его компаньоны целыми днями осматривали и обшаривали морское дно на мелководье у рифов, но, увы, им удалось найти лишь один небольшой слиточек серебра. Обнаружить же останки галеона никак не удавалось. Намеченный срок поисков подходил к концу, таяли и взятые на борт судна запасы провианта. Безрезультатные поиски вызвали недовольство

экипажа. Назревал даже мятеж, и Фипсу ничего не оставалось делать, как с пустыми руками возвращаться в Англию. Единственный серебряный слиток мог расцениваться лишь как памятный сувенир и вряд ли был способен удовлетворить взыскательного «спонсора», поэтому Уильяма отнюдь не радовало предстоящее рандеву с королем. Да куда ж от него денешься?

Но судьба оградила неудачника от встречи, не сулившей ему ничего хорошего: пока Фипс, не зная покоя, искал свое счастье, Карл II, напротив, успел обрести вечный покой. На трон взошел его младший брат Яков II, который не пожелал даже принять сомнительную личность, прибывшую из дальнего Плавания. Это вполне устраивало Фипса, поскольку снимало с него прежние обязательства и позволяло искать нового влиятельного компаньона. Вскоре таковой нашелся: им стал Генри Кристофер, герцог Албемарлский – страстный картежник, грезивший нажить солидное состояние. Он – то и добился у Якова II необходимого согласия на поиски сокровищ, пообещав королю десятую долю добычи.

Имея королевское «добро», герцог без труда сколотил «Компанию джентльменов – искателей приключений», предоставивших в его распоряжение 3200 фунтов стерлингов – сумму по тем временам весьма солидную. Спустя некоторое время, а точнее, 12 сентября 1686 года, от берегов Туманного Альбиона в юго-западном направлении отошли два судна под командованием Уильяма Фипса: одно из них, с 22 пушками, он в честь венценосной четы назвал «Яков и Мэри», другое, поменьше, с 10 пушками, – «Генри» в знак признания заслуг герцога в снаряжении повторной экспедиции.

И вот Фипс вновь у Багамских островов в районе заветных коралловых рифов. Нанятые им индейцы-ныряльщики ежедневно десятки раз погружаются под воду в поисках хоть каких-либо следов погибшего корабля. Так проходит не один месяц. Но все тщетно. Похоже, что и на этот раз фортуна не считает нужным осчастливить Фипса и его команду. Капитан готов признать себя побежденным. Созвав своих помощников на совещание, Уильям объявляет им о прекращении поисковых работ. При этом он в сердцах топает под столом ногой, случайно задевая при этом какой-то странный предмет, похожий на кусок кораллового нароста, но подозрительно правильной формы. Что это? Ударом топора Фипс разбивает его – внутри оказывается небольшой ящик из твердого дерева. Еще один удар топора, и на палубу сыплются серебряные и золотые монеты.

Тут же проводится небольшое расследование и выясняется, что этот «кусок коралла» еще в первые недели поисков достал со

дна один из ныряльщиков. Поскольку всех интересовали не кораллы, а драгоценные металлы, Фипс бросил его тогда же под стол, где тот и пролежал все это время. Но как найти то место, откуда извлечен замаскированный морем ящик с монетами? Ныряльщик вспоминает, что свою находку он обнаружил в скалистой впадине, на дне которой, как ему помнится, громоздились крупные коралловые образования. Уже через несколько минут туда погружаются сразу несколько индейцев. Томительное ожидание, и наконец они один за другим выныривают на поверхность, держа в руках «кирпичи», обросшие слоем кораллов. Более того, кто-то из них даже утверждает, что видел в расщелинах корабельные пушки. Неужели цель близка?

Фипс решает сам спуститься под воду. Для этой цели он еще в Лондоне своими руками соорудил нехитрый водолазный колокол – большую конусообразную бочку, опоясанную железными обручами и покрытую для балласта толстым слоем свинца. Внутри этого «батискафа» имелись сиденья для водолазов, которые могли со шлангом для дыхания выбираться из-под колокола на дно. Теперь уже можно было опуститься поглубже и побыть под водой подольше, а стало быть, и разглядеть побольше.

Во время одного из погружений и произошло то, ради чего Фипс долгие месяцы терпел трудности, и невзгоды: на глубине примерно 12—15 метров был обнаружен затонувший галеон. Покрытый сплошь коралловыми наростами, он напоминал поднимающийся со дна риф. Даже бывалые моряки не сразу определили, где у судна нос, а где корма. Но так ли это было важно, если то и дело на поверхность удавалось поднять то серебряный слиток, то горсть монет, то золотую пластину! С таким материальным стимулом водолазам работалось веселей. С раннего утра, как только первые лучи солнца пробивались сквозь толщу воды, начинался рабочий день, который заканчивался уже в сумерках. Лишь шторм на какое-то время прервал поиски, но едва он утих, погружения возобновились.

Добыча складывалась на палубу главного судна. Груда отнятых у моря сокровищ постепенно росла. Но… росло и недовольство экипажа: работы велись уже больше двух месяцев, люди безумно устали, питьевая вода начала гнить в бочонках, а тающие запасы продовольствия вынуждали кока сокращать порции. К тому же однажды утром к рифу Силвер-Банк подошел легкий шлюп, бросивший якорь совсем недалеко от подводного прииска Фипса. Вот тут-то и пригодилась артиллерия, которой были оснащены его корабли. Залп из 22 пушек поставил крест на надеждах непрошеных гостей: изрешеченный ядрами шлюп

вскоре отправился туда же, где уже несколько десятилетий покоился галеон «Нуэстра сеньора де ла Консепсьон».

Фипс понимал, что главные богатства испанского судна – пока остаются в его трюмах. Используя свой высокий авторитет среди экипажа, капитан попросил своих подчиненных еще на какое-то время продолжить работу, вновь подтвердив, что каждый получит свою часть добытых драгоценностей. Лучшего из водолазов он уговорил постараться проникнуть в нижний трюм галеона. Тот выполнил просьбу Фипса, но когда выбрался на поверхность, по его лицу струилась кровь. У бедняги даже не оставалось сил, чтобы взобраться в лодку, и его пришлось втаскивать туда двум матросам. Но усилия ныряльщика были затрачены не зря: отдышавшись, он сказал, что обнаружил в трюме большой сундук, который он не мог даже сдвинуть с места.

Не оставлять же сокровища другим, более удачливым искателям счастья? В этом вопросе все члены экспедиции проявили полное единодушие. Спускаясь по одному и по двое в трюм, ныряльщики за три дня сумели застропить сундук, извлечь его из трюма, а затем и поднять на борт «Якова и Мэри». Взмах топором – и на палубу посыпались золотые украшения, бриллианты, изумруды, жемчуг и даже хрустальные бокалы, которые, разбиваясь, издавали прощальный чарующий звон. Но зачаровал команду не он, а те несметные сокровища, что на глазах у всех извлекались из словно волшебного сундука. Все ценности были тщательно взвешены и зарегистрированы в бухгалтерских книгах – их с самого начала аккуратно вели доверенные лица Фипса и герцога Албемарлского.

Радость и ликование царили в то утро в стане подводных триумфаторов. Ни о каком прекращении работ, суливших сказочные перспективы, уже не могло быть и речи. Все выражали готовность терпеть любые испытания, коли море так щедро одаривает их за это. Однако в жизни реальность часто входит в серьезные противоречия с мечтой. Так произошло и в те отдаленные от нас на три столетия дни, когда ныряльщики Фипса с немалым риском для жизни пытались проникнуть в закупоренные коралловыми наростами трюмы испанского галеона. Для облегчения взлома этих природных «замков» экипаж даже отковал разнообразный инструмент: крюки, кошки и другие приспособления. Но вскрыть окаменевшую обшивку или палубу судна водолазам так и не удалось. Море сочло отданные материальные ценности вполне достаточной компенсацией участникам экспедиции за их тяжкий труд.

Впрочем, жаловаться на судьбу им и впрямь не приходилось: бухгалтерские книги уже содержали множество записей, в

которых в общей сложности фигурировали десятки тысяч фунтов серебра в виде слитков, несколько ящиков и мешков с монетами, 25 фунтов чистого золота, великое множество всевозможных ювелирных изделий, драгоценных камней, жемчуга. С такой добычей не стыдно было возвращаться в Лондон, и Фипс берет курс к Британским островам.

Нелегким оказался обратный путь. Достаточно сказать, что уже в самом начале плавания лишь высокое капитанское искусство и хитрость Фипса позволили ему обвести вокруг пальца французских пиратов: темной штормовой ночью он рискнул спрятать свои корабли среди грозных скал, благодаря чему удалось спастись от преследования, которое могло печальным образом завершить так удачно сложившуюся многомесячную экспедицию. И вот, оставив позади тысячи миль, наполненные смертельными опасностями и тяжелейшими испытаниями, 6 июня 1687 года Фипс возвратился в гавань, откуда девять месяцев назад он пустился в свое плавание за подводными богатствами.

Лондон встретил Фипса как героя. Все, кто был причастен к снаряжению экспедиции, принялись делить добычу. Больше всего досталось герцогу Албемарлскому и «Компании джентльменов – искателей приключений». Строго говоря, истинные приключения пришлось искать в море Уильяму Фипсу и его команде, а сухопутные «приключения» джентльменов свелись лишь к риску потерять вложенные ими в предприятие средства. Теперь же затраты окупились с лихвой. Что ж, кто не рискует, тот не пьет шампанское.

Офицеры, боцман, кок, матросы – все члены экипажа обрели свою долю, а вот отблагодарить старика Оттавио Фипс уже не мог: тот умер вскоре после того, как расстался со своей тайной. Кое-что перепало и лондонскому Тауэру: его арсенал пополнился шестью бронзовыми пушками, отобранными у моря.

Получив свою «десятину» – свыше 20 тысяч фунтов стерлингов, Яков II не только соизволил принять бывшего корабельного, плотника, но и удостоил его рыцарского звания «за добрые и честные услуги». Вскоре новоявленный рыцарь был награжден двумя медалями. Лицевую сторону одной из них украшали профили королевской четы, а на оборотной был изображен названный в ее честь корабль, стоявший на якоре над затонувшим судном. Надпись, выбитая на медали, гласила: «Пусть всегда висит твой рыболовный крючок».

Эта фраза, взятая из поэмы Овидия «Искусство любви», подразумевала, конечно же тот «крючок», с помощью которого Фипс столь успешно ловил свою «золотую рыбку». На другой медали был отчеканен Нептун, вооруженный традиционным

трезубцем: владыка подводного царства, облаченный в пышный парик и потому удивительно похожий на герцога Албемарлского, спокойно взирал на добычу сокровищ. Девиз медали утверждал: «Всё – из воды».

Заметно подобревший к Фипсу король предложил ему занять высокую должность комиссара британского флота, но тот решил вернуться в Новую Англию, откуда был родом. На свою долю, составившую более 11 тысяч фунтов стерлингов, он построил в Бостоне большой и красивый дом, намереваясь пожить в нем в свое удовольствие.

Однако Яков II пожелал назначить Фипса губернатором Массачусетса и генерал-губернатором Мэна и Новой Шотландии.

Как откажешься от королевского поручения? Пришлось взвалить на плечи тяжкую ношу. В новой роли Фипсу довелось не раз вступать в сражения с войсками французских колоний на американской земле. К тому же в хитросплетениях жизненных интриг он чувствовал себя не столь уверенно, как в плавании по бурному морю. После крупной битвы под Квебеком недавний баловень судьбы оказался не только побежденным, но и разоренным, запутавшимся в долгах, преследуемым многочисленными личными врагами. Словом, бывалый моряк ухитрился сесть на мель на суше.

Оставалась единственная надежда на влиятельных покровителей в Лондоне. Но там Фипса ждало горькое разочарование: Яков II к тому времени вынужден был расстаться с английским троном и бежал из Англии, а заслуг перед пришедшей к власти оппозицией во главе с Вильгельмом III у незадачливого губернатора не было. За неуплату долга вчерашнего триумфатора бесцеремонно бросили в тюрьму. Его организм, подорванный тропической лихорадкой, не вынес холода и сырости каменной клетки, ставшей его последней обителью. Вскоре он скончался. Произошло это в 1695 году, когда Фипсу от роду было чуть больше 44 лет.

Единственное имущество знатного арестанта составлял маленький серебряный слиточек – тот самый, что был поднят им со дна еще во время его первой попытки найти затонувший испанский галеон. Этот кусочек серебра, служивший Уильяму талисманом, не смог уберечь своего хозяина от горьких превратностей судьбы, зато пригодился ему в канун кончины: в свой последний час Фипс отдал памятное серебро тюремщику, чтобы тот смог купить для него приличный гроб.

Но тюремщику не пришлось выполнять предсмертную волю легендарного узника: словно опомнившись от своей несправедливой жестокости, власти распорядились похоронить

Фипса за счет королевской казны. На его могиле вдова установила белый мраморный памятник с красивой урной, поддерживаемой двумя ангелами. Барельеф на памятнике повторял рисунок медали, врученной отважному искателю сокровищ в его звездный час: стоящий на якоре корабль в окружении шлюпок, с которых ведется подводная добыча драгоценностей.

Начавшиеся в последний период жизни беды и неприятности преследовали Фипса и после смерти: при неизвестных обстоятельствах это надгробие бесследно исчезло. Лишь в документах сохранился текст эпитафии, некогда начертанной на мраморе:

«Здесь покоится рыцарь сэр Уильям Фипс, который благодаря своей неистощимой энергии обнаружил среди скал Багамских отмелей, к северу от Эспаньолы, испанский галеон, пролежавший сорок четыре года на дне моря; он извлек золото и серебро на сумму, достигавшую 300 тысяч фунтов стерлингов, и с присущей ему честностью доставил эти сокровища в Лондон, где они были поделены между ним и другими компаньонами.

За большие заслуги его величеством, царствующим королем Яковом II, Фипсу было пожаловано рыцарское звание. По просьбе почтенных жителей Новой Англии Фипс принял на себя управление Массачусетсом. Свои обязанности он выполнял вплоть до кончины, с таким рвением заботясь об интересах родины и пренебрегая личными интересами, что справедливо заслужил любовь и уважение лучшей части населения этой колонии».

О трагическом финале рано оборвавшейся жизни Уильяма Фипса эпитафия стыдливо умалчивала. Мы столь подробно рассказали о бывшем корабельном плотнике, благодаря собственным деловым качествам и волею судьбы обретшем рыцарское звание и ставшем губернатором, не только потому, что он успешно использовал для поисков и добычи спрятанных морем драгоценностей водолазный колокол, но и потому, что в истории подводного кладоискательства имя Фипса открывает список удачливых искателей счастья, сумевших поднять со дна не отдельные монеты, слитки, статуэтки, а огромные богатства.

Охота за золотом «Египта»

Море благосклонно отнеслось к затее Фипса, но столь удачный исход экспедиции был скорее исключением, чем правилом: водолазная техника колокольного типа не позволяла мужественным подводникам прошлого покорять мало-мальски значительные глубины. Нужны были новые подходы к созданию водолазного снаряжения. На это человечеству понадобилось немало времени: лишь в конце XVIII века немецкий изобретатель Клейнгерт создал водолазный костюм с металлическим шлемом и подачей воздуха при помощи насоса. Теперь освоение морского дна пошло веселей, но большие глубины оставались по-прежнему неподвластными человеку. Причин на то было немало, но пожалуй, главной из них с давних пор считалось давление воды, которое по мере погружения водолаза росло пропорционально глубине. А ведь море прятало свои трофеи не только на мелководье. Вот почему люди стремились непрерывно совершенствовать водолазную и глубоководную технику.

Одним из шагов на этом пути стало создание бронированного скафандра, позволившего значительно глубже проникнуть в тайны океана, чем обычный водолазный костюм. Бронированный скафандр был изготовлен гамбургской фирмой Нойфельдта и Кунке в 1920 году. Он представлял собой массивный стальной цилиндр с тремя иллюминаторами из толстого стекла. Роль рук и ног выполняли громоздкие металлические сочленения на шарнирах, причем пальцами служили клещи, с помощью которых можно было вести под водой различные работы. Скафандр не имел шланга для подачи воздуха сверху: необходимый его запас, рассчитанный на шесть часов пребывания под водой, водолаз брал с собой. Броня надежно защищала его от давления воды, благодаря чему можно было работать на глубине примерно до 200 метров. Рабочее место водолаза освещалось мощным подводным прожектором.

Бронированный скафандр успешно прошел испытания при водолазных работах на затонувшем американском пароходе «Вашингтон», который был торпедирован близ берегов Италии немецкой подводной лодкой в период первой мировой войны и с тех пор покоился на глубине около 100 метров недалеко от залива Рапалло.

Экспедиция, руководимая главой генуэзской фирмы «Сорима сэлвидж энд компани» капитаном 3-го ранга Джованни Куалия, добилась отличных результатов: с морского дна удалось поднять 700 тонн медных слитков и стального железнодорожного

оборудования, среди которого выделялись своими размерами огромные паровозные котлы. Для этой цели фирмой было разработано разнообразное оборудование: оригинальные по конструкции краны, ковши, крюки, мощные электромагниты, специально предназначенные для подъема металлических объектов с затонувших судов.

Хорошо зарекомендовавшие себя бронированные скафандры и подъемное оборудование можно было попробовать и в более сложной, но зато и более доходной ситуации. Внимание Куалия привлек затонувший в 1922 году у северо-западной оконечности Франции английский пароход «Египет». В густом тумане он столкнулся с французским пароходом «Сеной», предназначенным для плавания во льдах и имевшим усиленный корпус. Врезавшись в левый борт «Египта», «Сена» едва не разрубила его пополам. Вместе с ним пучина поглотила около 100 человек и огромные ценности: 1089 слитков золота, 37 ящиков английских золотых монет и 1229 слитков серебра – всего на сумму свыше миллиона фунтов стерлингов. Капитан «Египта» Коллиер успел дать сигнал SOS и сообщить координаты столкновения: 48 градусов 10 минут северной широты и 05 градусов 30 минут западной долготы.

Вскоре после катастрофы компания Ллойда выплатила судовладельцам обусловленную страховкой сумму и тем самым обрела право на утонувшие ценности. Но найти желающих попытаться поднять их со дна компания не могла в течение нескольких лет. Именно за это дело и взялся Джованни Куалия.

В 1928 году его новая экспедиция направилась к тому месту (милях в 30 от берега), где предположительно затонул «Египет». Но почему же предположительно: ведь координаты гибели судна известны? Увы, эти данные расходились с теми, что сообщил капитан «Сены». И те и другие не соответствовали сведениям, полученным от береговых радиопеленгаторных станций, которые засекли местоположение «Египта» в момент подачи сигнала SOS. Все эти координаты отличались и от координат той точки, где вскоре после катастрофы были подобраны мешки с почтой, всплывшие с «Египта», но здесь, Правда, могли успеть внести коррективы волны и ветер. Как бы то ни было, поиск пришлось вести на довольно большой территории. Понадобились два сезона, прежде чем в конце августа 1930 года на глубине нескольких десятков метров удалось обнаружить зарывшийся в грунт пароход – по всей вероятности, «Египет».

Но пока шли поиски, Куалия времени даром не терял: зная, что в тех же краях на глубине примерно 60—70 метров покоится затонувшее бельгийское судно «Элизабетвиль», он предпринял попытку найти и обследовать его. Интерес к судну подогревался

слухами, что в капитанском сейфе «утопленника» хранились бриллианты. «Элизабетвиль» удалось найти гораздо быстрее, чем «Египет». Спустившийся в бронированном скафандре водолаз сумел проникнуть в каюту капитана, нашел сейф и поднял его на поверхность. Однако к великому разочарованию поисковиков никаких бриллиантов в нем не оказалось. Но стоит ли унывать?

Работы были продолжены, и фортуна решила улыбнуться членам экспедиции: на судне оказалась солидная партия слоновой кости. Вскоре 8 тонн ценного груза перекочевали из трюмов «бельгийца» на палубу поисково-подъемного судна. Столь весомый улов был неплохим подарком моря, но, пожалуй, не в меньшей степени Куалия радовал дополнительный опыт работы водолазов в бронированном скафандре, позволявший рассчитывать в дальнейшем на успех и при «разгрузке» парохода «Египет».

Однако вернемся к неопознанному пока пароходу. Здесь прежде всего решено было извлечь со дна капитанский сейф. С помощью взрывов удалось сначала снять установленный на палубе судна подъемный кран, мешавший проникнуть в каюту капитана, а затем и расчистить путь к сейфу. Водолаз, облаченный в бронированный скафандр, с помощью грейферного приспособления подцепил стальной ящик, и тот медленно поплыл наверх.

Сейф доставили в Брест и вскрыли в присутствии английского консула. Сомнений не оставалось: на грунте действительно лежит «Египет». Но как на грех резко испортилась погода, море всерьез и надолго заштормило, и подъемные работы пришлось приостановить. Пока над «Египтом» бушевали волны, Куалия решил заняться другим делом: помочь французским властям убрать с морской дороги торпедированный в конце войны американский пароход «Флоренция», который затонул на небольшой глубине и потому мешал навигации. Судно покоилось в укрытом от ветров месте, но ситуация осложнялась тем, что «Флоренция» служила для транспортировки боеприпасов и пошла на дно вместе со смертоносным грузом. Опасаясь, что в ходе необходимых для подъема взрывных работ могут заодно взорваться и боевые снаряды, Куалия отвел свою плавучую базу на целую милю в сторону. Первые взрывы Прошли без осложнений, и при последующих ее уже не стали отводить так далеко. Когда оставалось провести последнюю серию взрывов, от первоначальной предусмотрительности не осталось и следа. И вот тут-то затаившаяся на дне грозная сила сыграла свою зловещую роль: могучий взрыв, разнесший лежавший на грунте американский «снарядоносец», образовал гигантскую волну,

которая обрушилась на итальянское вспомогательное судно, находившееся примерно в 200 метрах от места затопления. Волна потопила судно и оборвала жизнь 12 участников экспедиции. Спаслись лишь семеро.

Тяжёлый удар судьбы не сломил Куалия: он обзавелся новым судном, оборудованием и водолазным снаряжением, пополнил свою команду и в начале очередного сезона вернулся к покинутому на время «Египту». Снова взрывы, взрывы, взрывы. Наконец в палубах судна пробиты огромные отверстия – доступ к золоту открыт. Но на календаре уже была поздняя, осень, и океан, словно не желая расставаться со своим богатством, опять разволновался не на шутку. На этот раз «тайм-аут» продлился почти полгода. Когда же следующей весной появилась возможность продолжить работу, выяснилось, что путь к золоту прегражден палубными обломками. Несколько недель ушло на расчистку проломов и подъем мешавшего водолазам хлама. И вот настал тот счастливый для экспедиции час, когда ковши начали поднимать из бездны «египетское» золото, слиток за слитком, монета за монетой.

Работы, начатые четыре года назад, продолжались еще три сезона. Чтобы основательно почистить пароходные «сусеки», пришлось применить хитроумное устройство – специальный всасывающий ковш. Он представлял собой сосуд, герметически закрытый с нижней стороны стеклом. Как только ковш оказывался над россыпью золотых монет или грудой ювелирных изделий, специальное приспособление разбивало стекло, и вода врывалась внутрь, засасывая с собой золотые предметы. Захватив трофеи, ковш тут же автоматически закрывался. Оставалось только поднять его лебедкой на поверхность и извлечь добытые ценности.

Длившаяся семь лет охота за золотом «Египта» завершилась большим успехом экспедиции: удалось отобрать у моря примерно три четверти всего золота, утонувшего вместе с пароходом. Важным достижением явилось и то, что впервые в истории подводных спасательных работ они проводились на глубине, недоступной водолазам, одетым в обычный костюм. Очередной шаг в безмолвие стал возможным благодаря использованию бронированного скафандра.

Приключения у «Ниагары»

Как ни хорош был бронированный скафандр, но и он имел свои пределы погружения. Огромные давления, царящие на глубине свыше 200 метров, сковывали движение шарнирных рук и ног, из-за чего водолаз практически терял работоспособность, а скафандр превращался, по сути дела, в пункт для подводных наблюдений. Более удобными для этой цели были уже известные к тому времени наблюдательные камеры. Еще в прошлом веке французский изобретатель Эрнст Базин придумал оригинальный аттракцион, быстро завоевавший популярность: в подвешенном на цепях стальном цилиндре люди при помощи подъемных устройств погружались в воду на несколько метров и через иллюминаторы любовались подводными пейзажами, освещаемыми сильными прожекторами.

Крупная подъемная акция с использованием наблюдательной камеры была осуществлена в годы второй мировой войны при спасении золота, затонувшего вместе с пароходом «Ниагара» вдали от главного театра военных действий – у берегов Новой Зеландии. Хмурым июньским утром 1940 года судно подорвалось на немецкой мине и начало быстро погружаться в воду. К счастью, все пассажиры и члены экипажа сумели спастись, но ценный груз, о котором знал лишь капитан, – 590 золотых слитков на сумму в 2 с половиной миллиона фунтов стерлингов – пришлось принести в жертву морю.

Уже через полгода плавучая база «Клеймор» начала поисковые работы, которые возглавил капитан Уильяме из Мельбурна. Руководство группой подводников было возложено на одного из опытнейших австралийских водолазов – Джонстона. На борту «Клеймора» находилась готовая к спуску наблюдательная камера с автономным аппаратом для генерации воздуха.

В первые же дни поиска «Ниагары» произошло событие, которое едва не привело к печальным последствиям. Во время траления трос, протянутый от плавучей базы к вспомогательному судну и провисавший до дна, внезапно за что-то зацепился. Джонстон, заняв место в наблюдательной камере, сразу же ушел под воду.

Виновником задержки оказался всего-навсего большой камень, и водолаз дал команду на подъем. Когда камера была уже недалеко от поверхности, Джонстон услышал странный скрежет: похоже было, что об металлическую обшивку трется какой-то трос. Что же это за трос? Ответ водолаз получил позже, уже находясь на палубе плавбазы: вместе с якорем из воды был

вытащен перепутавшийся с якорной цепью минный трос, который и терся о стенки камеры. Сама же мина, чей покой нарушили моряки, теперь преспокойно плавала в воде буквально в метре от борта «Клеймара». Как говорится, еще б немного, еще б чуть-чуть… Но такое соседство представляло собой серьезную опасность. И Джонстон вновь, теперь уже в обычном водолазном костюме спускается в воду, чтобы багром отогнать подальше непрошеную гостью. Но та словно уперлась, не желая перемещаться ни на один дюйм. Что же делать? Капитан Уильяме решил не заниматься рискованной самодеятельностью и попросил военно-морское командование прислать тральщик со специалистами по обезвреживанию мин.

Вскоре подмога подоспела, но малоприятную миссию – цеплять коварными шарик тралом – Джонстон снова взял на себя. И туч судьба приготовила ему еще один сюрприз: пытаясь опутать мину, он обнаружил, что ее трос перекрутился со швартовым тросом «Клеймора». Пришлось распутывать их, но при этом водолазные лини зацепились за рога детонаторов и вплотную притянули Джонстона к верхней части мины. Она приблизилась вплотную к корпусу судна и в следующий миг всей своей массой припечатала к нему водолаза. Сам того не желая, он сыграл роль живого амортизатора, предотвратившего удар детонаторов о корабельную обшивку. Можно себе представить, что пережил Джонстон в минуты «близости» с весьма коварной особой.

Но отважный водолаз не потерял самообладания. Прежде всего он попытался отделить свои лини от зловещих рогов. Наконец ему удалось вырваться из минных объятий. Еще семь томительных часов продолжалась борьба с миной, пока не удалось отвести ее на почтительное расстояние и расстрелять пулеметной очередью.

Поиски «Ниагары» были продолжены, и спустя два с лишним месяца все тот же Джонстон, на долю которого выпало столько злоключений, нашел затонувшую «Ниагару». Судно лежало с большим креном на левый борт на глубине 133 метра. При осмотре через иллюминаторы наблюдательной камеры Джонстон увидел большую рваную пробоину – результат встречи с миной. Чтобы повнимательнее изучить обстановку, он попросил опустить камеру на само судно. Команда была выполнена, и через минуту-другую водолаз уже мог Детально осмотреть разрушенную палубу «Ниагары». Но…

Видно, море, не на шутку раздосадованное несгибаемым характером этого мужественного человека, решило устроить ему еще одно испытание. Сказать, что оно было суровым, значило бы не сказать ничего. Впрочем, судите сами. Внезапно лопнул

носовой швартов «Клеймора», и ветер стал относить судно в сторону. Следом за ним потащилась и висящая на тросе наблюдательная камера. Ее поволокло вдоль корпуса прямо к зияющей пробоине. Еще несколько мгновений – и камера зацепится за рваные края обшивки, туго натянется и порвется трос, а тогда Джонстону останется лишь отсчитывать последние часы своей жизни. Но, должно быть, родился он все же в рубашке: камера двигалась все быстрее и потому благополучно миновала опасную дыру в корпусе, правда, чтобы тут же рухнуть вверх дном на грунт. К счастью, она не встретила никаких препятствий и находившиеся наверху помощники сумели вскоре поднять своего руководителя на поверхность. Когда израненного, с лицом, залитым кровью, Джонстона вытаскивали из камеры, он улыбался…

Несмотря на происки судьбы, люди не отступились от своей цели. Чтобы определить наиболее удобный путь к золотой кладовой, участники экспедиции соорудили картонный макет «Ниагары» и смоделировали на нем ход взрывных работ. Расчет оказался точным, и вскоре взрывчатка проделала в борту и двух палубах судна большие отверстия, выбросив при этом на поверхность моря оглушенную акулу и деревянные части ходового'мостика парохода. Водолаз в камере мог теперь вплотную приблизиться к бронированной каюте, где лежали ящики с золотом, но только приблизиться. Вход в нее преграждала массивная стальная дверь.

Пришлось вновь прибегнуть к помощи взрывчатки. Через несколько дней к всеобщему восторгу членов экспедиции глубоководный захват доставил дверь на палубу «Клеймора». (В память об этих напряженных днях капитан Уильяме позднее установил ее в своем мельбурнском кабинете.)

Ничто не могло уже помешать «экспроприации» похищенного морем золота, и 13 октября 1941 года экипаж приступил к подъемным операциям. Кое-кто, правда, счел это число не совсем подходящим для начала столь ответственной операции, но суеверные опасения были напрасными: в этот же день с помощью механических захватов на палубу плавбазы удалось поднять первые слитки золота.

Каждый день приносил теперь отличный «урожай». Груда желтых слитков в капитанской каюте «Клеймора» росла не по дням, а по часам. За месяц с небольшим со дна было поднято 553 слитка драгоценного металла на сумму более 2 миллионов фунтов стерлингов. Попытки найти остальные слитки были тщетными, и капитан объявил о завершении работы экспедиции. После блестяще проведенной спасательной акции, занявшей

меньше года, «Клеймор» берет курс домой.

Говорят, что море полно неожиданностей. И на этот раз оно подготовило спасателям малоприятный сюрприз. Когда до гавани оставались считанные мили, старший механик вдруг заметил, что в машинное отделение поступает вода. Прослуживший десятки лет корабль уже давно собирались списать на металлолом, и плавание за золотом «Ниагары» должно было стать последним в его биографии. Многомесячное пребывание в открытом море стало нелегким испытанием для немало повидавшего на своем веку судна: обшивка дала течь, и потяжелевший «Клеймор» стал медленно оседать на дно. Пришлось пустить в ход все водоотливные насосы, что и дало возможность капитану кое-как привести судно в гавань. Тут же матросы начали выгружать свою драгоценную добычу, и не успели они вынести последние слитки, как изрядно набравший воды «Клеймор» сел днищем, на грунт.

Даже столь конфузный заключительный аккорд не мог повлиять на высокую оценку специалистами работы экспедиции. Конечно, успех стал возможен прежде всего благодаря мастерству и мужеству людей, но свою лепту, притом немалую, внесла в общее дело и наблюдательная камера: ведь глубина залегания «Ниагары» не позволяла использовать в ходе водолазных работ даже бронированный скафандр.

Но и камера как глубоководный аппарат была, разумеется, далека от совершенства. Спустя несколько лет после описанных событий швейцарский физик Огюст Пиккар сконструировал, изготовил и испытал первый в мире батискаф – автономный аппарат для океанографических и других исследований на больших глубинах. В 1953 году ученый и его сын Жак в батискафе «Триест» совершили – погружение на глубину 3160 метров. Спустя год французы Ж. Гуо и П. Вильм отодвинули этот порог до 4050 метров, а еще через шесть лет, в январе 1960 года, Ж. Пиккар и лейтенант ВМФ США Д. Уолш, совершив спуск на 10917 метров, достигли дна Марианского желоба – самой глубокой впадины, расположенной в Тихом океане: максимальная глубина, зарегистрированная советским исследовательским судном «Витязь», находится в южной части желоба и составляет 11022 метра.

Батискафы, гидростаты и другие глубоководные аппараты рассчитаны главным образом на разведку обстановки о владениях Посейдона. Поистине же массовый штурм подводных просторов начался после того, как в 1943 году французы Жак Ив Кусто и Эмиль Ганьян изобрели аквалангъ. Благодаря этому несложному и удобному устройству довольно длительные погружения человека на глубину в несколько десятков метров стали обычным делом. В

морские пучины ринулись люди многих профессий – биологи и гидрологи, фотографы и кинооператоры, геологи и археологи. Акваланг не только открыл новую эру в изучении мира океана, но и позволил значительно успешнее, чем прежде, отвоевывать у моря те богатства, которое оно не прочь было присвоить себе навсегда.

Подводные «прииски»

Миллионы отобранные у моря

В один из ясных майских дней 1949 года американский аквалангист-любитель Мак-Ки во время своего отпуска вел подводные киносъемки на побережье Флориды, неподалеку от рифов Ки-Ларго. В поисках привлекательных сюжетов и экзотических морских пейзажей он медленно скользил вдоль коралловых лабиринтов, опускаясь все ниже и ниже, как вдруг на двадцатиметровой глубине его взору предстали останки затонувшего старинного корабля. С любопытством осмотрев судно, вернее, то, что от него осталось, пловец заметил несколько пушек, якорь и три покрытых налетом бруска продолговатой формы. Мак-Ки не поленился вытащить их на берег и был с лихвой вознагражден: тяжелые бруски оказались слитками чистого серебра. Когда по завершении отпуска Мак-Ки показал свою находку специалистам исторического музея Смитсоновского института в Вашингтоне, те определили, что стоящее на слитках клеймо «NATA» принадлежит древнему серебряному руднику, находившемуся в Панаме, а обнаруженное аквалангистом судно – по всей вероятности, один из четырнадцати испанских галеонов, что потерпели крушение во время могучего урагана, пронесшегося в этих краях весной 1715 года.

Погибшие суда входили в состав «Золотого флота», который должен был доставить в Испанию королю Филиппу V очередную дань Нового Света – несметные богатства, награбленные конкистадорами у народов Американского континента. Король, не желавший мириться с такой чувствительной потерей, повелел без промедления организовать экспедицию для подъема заморских ценностей с морского дна. У злополучных рифов Ки-Ларго закипела работа, благо океан хранил свою добычу не так уж глубоко. Вскоре тонны золота и серебра – слитки, монеты, украшения, высвобожденные из водного плена, были готовы к отправке через Атлантику, чтобы пополнить состояние испанского монарха, томившегося в ожидании добрых вестей. Но, как выяснилось, благополучного завершения водолазных работ ждали и другие претенденты на сокровища – пираты здешних мест. Дерзкое нападение, короткая схватка, и вот уже ящики и мешки, набитые поднятыми со дна драгоценностями, перенесены на борт пиратского парусника.

Спустя два с половиной столетия после описанных событий и через полтора десятилетия после удачно проведенного Мак-Ки отпуска у берегов Флориды группа подводных кладоискателей сумела найти вблизи все тех же рифов Ки-Ларго еще четыре

затонувших галеона «Золотого флота» и основательно почистить их каюты и трюмы. Среди большого числа добытых драгоценностей выделялась огромная, длиной в три с половиной метра, золотая цепь из более чем двух тысяч звеньев. К цепи крепился красивый брелок – золотой дракон, изготовленный, по мнению специалистов, в начале XVIII века китайскими ювелирами. Вся добыча оценивалась в то время в полмиллиона долларов. Но, конечно же, и этой находкой не исчерпывались несметные сокровища, похищенные ураганом и спрятанные в море в 1715 году.

А сколько таких ураганов пронеслось над морями и океанами за долгие столетия мореплавания? Да только ли злые ветры становились союзниками пучины, сумевшей поглотить и похоронить на дне тысячи и тысячи судов, многие из которых могли соперничать по своим золотым и серебряным запасам с иной королевской казной?

Так, например, только в прибрежных водах Карибского моря, по подсчетам историков, покоятся останки примерно ста галеонов. Едва ли меньше кораблей затонуло у юго-восточной оконечности Флориды. Район мыса Гаттерас, воды, омывающие Багамские и Бермудские острова, бухта Виго в Испании и залив Зёйдер-Зе в Голландии – все эти и многие другие территории океанского дна могут быть с полным основанием названы кладбищами судов, а стало быть, подводными Клондайками или Эльдорадо. В самом деле, как утверждает один из наиболее известных морских кладоискателей американец Гарри Ризенберг, автор нашумевшей в свое время книги «600 миллиардов под водой», именно на эту сумму (разумеется, в долларах) океан «позаимствовал» у человека золота, серебра и других драгоценностей.

Эти фантастические богатства вот уже несколько веков волнуют умы искателей счастья. Утонувшие клады, как магнит, притягивают к себе великое множество аквалангистов, водолазов, специалистов в области судоподъема, а то и просто дилетантов – любителей приключений, надеющихся на благосклонность фортуны. Особенно большой размах эпидемия подводного кладоискательства приобрела в последние десятилетия, когда на помощь морским «геологам» пришла современная техника – чуткие магнитометры и щупы, герметичные фонари, особые насадки на судовые винты, позволяющие размывать песок и донный ил. Во многих странах уже давно издаются книги, атласы, карты, где указаны точные и предполагаемые координаты гибели судов, начиненных сокровищами.

Ищут морские клады тысячи и тысячи подводников, находят

– единицы. К числу тех немногих, с кем океан вынужден был поделиться своими драгоценностями, относится американец Мел Фишер – пожалуй, самый «находчивый» из всех добытчиков желтого металла на морских «приисках». Прежде чем ступить на эту романтичную, хотя и скользкую стезю, он занимался довольно прозаичным делом – выращивал кур на собственной ферме. Акваланг сначала сделал его любителем подводных прогулок, а затем превратил в профессионального охотника за сокровищами погибших кораблей.

Первая удача, которая к тому же оказалась и необычайно крупной, пришла к Фишеру в 1964 году, когда у побережья Флориды, недалеко от Форт-Пирса, на относительно небольшой глубине он «набрел» на золотой «ковер» – множество рассыпанных по песку монет. От перевозившего их некогда судна, потерпевшего здесь крушение, уже практически не осталось и следа, а благородный металл как ни в чем не бывало терпеливо ждал своего часа. Среди без малого двух тысяч монет, поднятых Мелом и его помощниками, оказались редчайшие королевские дублоны начала XVIII века, за которые удачливый ныряльщик сумел получить по 25 тысяч долларов. Отныне судьба Фишера была решена: море крепко взяло его в свои объятия.

К разработке подводной золотой «жилы» подключилось все семейство разбогатевшего аквалангиста – его жена Долорес и четверо сыновей. Семья купила подходящий катер, приобрела водолазное, магнитное, подъемное и прочее необходимое оборудование – теперь можно было приступать к целенаправленным поискам драгоценной добычи.

Внимание Мела Фишера привлек затонувший в 1622 году в Мексиканском заливе, в нескольких милях от берегов Флориды, испанский галеон «Нуэстра сеньора де Аточа», на борту которого согласно сохранившимся в архивах Севильи древним документам находилось 27 тонн золота и 47 тонн серебра. По всей вероятности, в документы не попало еще значительное количество контрабандных ценностей, которые нелегально намеревались доставить в Испанию купцы и другие пассажиры, плывшие на «Аточе». Ее сопровождал солидный конвой – восемь военных кораблей с мощной артиллерией. Словом, пираты вряд ли бы рискнули напасть на столь грозную флотилию. Но то, что не по силам было морским разбойникам, сумела сделать стихия: близ берегов Флориды суда застиг жестокий шторм, и несметные сокровища оказались на дне.

Они-то, эти десятки тонн плененных морем благородных металлов, и стали путеводной звездой для Мела Фишера. Четыре года подряд его группа, пользуясь имевшимися в ее

распоряжении данными о месте гибели «Аточи», вела поиск галеона, ставшего за три с половиной столетия легендарным. Но, несмотря на то что кладоискатели располагали весьма совершенной техникой – необычайно чувствительным подводным магнитометром и специальной насадкой для судового винта, позволявшей направлять мощную струю воды вниз, чтобы размывать песок и ил, все усилия их оказались тщетными: море не желало, расставаться с сокровищами «Аточи».

Лишь через несколько лет, в 1970 году, Фишер сумел установить причину своих неудач: как выяснилось, сотрудница севильского архива ошиблась при публикации текста старинной хроники, сообщавшей о гибели золотого галеона, и потому координаты кораблекрушения, которыми руководствовался Фишер, оказались, мягко говоря, не совсем верными. Мелу удалось раздобыть достоверную копию документа и установить более или менее точное место, где шквальный ветер бросил «Аточу» на рифы. Казалось бы, теперь найти ее не составит большого труда. Однако проходил день за днем, неделя сменяла неделю, а поиск по-прежнему не приносил результатов, способных порадовать Фишера. Но почему же? Да дело в том, что деревянные парусные корабли, распоров о камни свой борт или днище, обычно не шли камнем на дно, а продолжали двигаться по ветру, постепенно разваливаясь на части. Порой судно тонуло довольно далеко от места роковой встречи с подводной скалой. Видимо, так произошло и с «Аточей».

И все же Фишер не терял веры в успех, справедливо полагая, что находившиеся на галеоне железные предметы-якоря, ящики с мушкетами, ядра – рано или поздно окажутся в поле зрения его магнитометра и дадут о себе знать. Так и случилось: в один прекрасный день внезапно заволновался и пустился в пляс самописец магнитометра, оставляя на ленте зигзаги надежды. Уже спустя несколько минут водолазы ринулись в воду. Прибор не обманул: сначала со дна был извлечен старинный мушкет, затем удалось найти большой якорь и горсть серебряных монет. Очередное погружение – и сияющий от радости ныряльщик появляется на поверхности воды с огромной золотой цепью. Следом океан отдал еще множество своих трофеев: золотые украшения, ювелирные ложки и тарелки, драгоценные камни, золотой боцманский свисток, бронзовую астролябию, большое число монет, слитки из золота и серебра, мешочки с золотым песком.

Урожай был хорош, но оставалось неясным, принадлежат ли все эти ценности «Аточе» или они родом из другого судна. Точки над «i» поставил один из найденных серебряных слитков, на

котором отчетливо просматривались цифры «4584». Такой серийный номер фигурировал и в декларации судового груза «Аточи», хранившейся в архиве Севильи. Копией этого документа с указанием веса всех перечисленных в нем слитков благородных металлов располагал и Фишер. И вот в одном из портовых баров Флориды пронумерованный слиток подвергся публичному взвешиванию, и результат точно совпал с весом, проставленным в декларации. Значит, «Аточа», вернее, часть ее обломков, разбросанных штормом на значительной площади Мексиканского залива, найдена. А где остальные части галеона?

Тщательное подводное обследование показало, что в этом месте морского дна рассчитывать больше не на что: главные сокровища «Аточи» покоились на других «складах». На их поиски ушло еще немало лет, свыше 2 миллионов долларов и несколько человеческих жизней. Среди погибших в 1975 году во время сильного ночного шторма, который опрокинул поисковую яхту «Северный ветер», оказались старший сын Фишера Дирк и его жена Анхель. Море будто мстило людям за их дерзкие попытки отобрать назад плененные стихией трофеи.

Но даже семейная трагедия не сломила Мела Фишера. К этому времени его компания насчитывала уже более тысячи акционеров, готовых и впредь субсидировать своего отважного президента. Поиски были продолжены – и океан наконец сдался. Произошло это в 1980 году, когда чуткая электронная аппаратура поведала о том, что на дне лежат металлические предметы. И вот они, эти давшие о себе знать предметы – абордажный крюк и огромный, почти два метра в диаметре, медный котел, подняты на палубу. Сами по себе находки не имели особой ценности, но зато вселяли надежду на успех экспедиции. Вскоре на дне был обнаружен корабельный балластный камень, а неподалеку от него несколько керамических сосудов, бочонки с синей краской индиго и четыре покрытых наростами небольших диска, оказавшихся серебряными испанскими монетами времен короля Филиппа III, который правил в 1598—1621 годах.

Затем находки посыпались как из рога изобилия: обломки керамики и сотни монет, сломанная астролябия и офицерская шпага, серебряный колокол и подносы. Во время одного из погружений сын Фишера Кейн обнаружил часть остова довольно крупного деревянного судна, а среди обломков – шесть слитков серебра, ювелирные украшения, медные заготовки.

Поиски продолжались, и море становилось все сговорчивее: слитки из золота и серебра, ряд серебряных изделий – кувшины, блюдо, чернильница, канделябр. Большой интерес команды вызвал странный тяжелый ком, который не без труда был

извлечен на поверхность моря: он состоял из множества серебряных монет, плотно «склеившихся» между собой за время долгого пребывания в морском плену. Но самой ценной, а точнее, бесценной находкой стал золотой перстень с огромным изумрудом прямоугольной огранки.

Что же за судно так щедро одарило Фишера и его помощников? Все та же «Аточа»? Нет. Как показало сопоставление номеров слитков с архивными описями судовых грузов той эпохи, поднятые со дна сокровища находились в свое время на борту испанского галеона «Санта Маргарита». Вместе с «Нуэстра сеньора де Аточа» судно покинуло в 1622 году Американский континент, взяв курс к родным берегам, и во время того же злополучного шторма разделила ее печальную судьбу: разбитую об острые рифы «Санта Маргариту» океан без труда увлек в свои покои. Когда стихия утихомирилась, проходившее мимо ямайское судно спасло 68 человек, отчаянно боровшихся за жизнь. Спустя пять дней был обнаружен помощник капитана Джузеппе Херонимо, дрейфовавший по волнам на деревянной крышке палубного люка. Остальные 120 человек, находившиеся на галеоне, погибли на мелководье у флоридского рифового барьера.

Поскольку уцелевшие люди могли точно указать место, где затонуло судно, вскоре начались спасательные работы ведь «Санта Маргарита» не уступала в богатстве своей «подруге» по несчастью «Аточе»: в ее официальном грузовом списке числилось большое количество золота и серебра в виде слитков, монет, украшений. Были на борту и другие грузы, в частности, медь, слоновая кость и бочонки с редкой заморской краской индиго, за которую европейские текстильщики охотно отдавали огромные деньги.

Летом 1626 года водолазам и ныряльщикам, во главе которых стоял житель Гаванны Франциско Нуньес Мелиан, удалось найти и поднять 350 серебряных слитков, большой якорь, несколько бронзовых орудий, медные слитки, ювелирные изделия. Поиски продолжались еще три года, но особых успехов не принесли. К тому же Мелиану был предложен весьма престижный пост губернатора Каракаса, и он предпочел свернуть поисковые работы.

И вот спустя три с половиной столетия покой «Санта Маргариты» нарушил Фишер, искавший «Аточу». Что ж, «Аточа» подождет, а пока за дело, коли море готово раскошелиться. Уже к концу следующего года было добыто со дна морского золота и серебра на десятки миллионов долларов. В мире подводных кладоискателей Фишер занял главенствующую позицию: до него

никому не удавалось отобрать у океана столько затонувших сокровищ.

Расставшись с «Санта Маргаритой», Фишер вновь сосредоточил свое внимание на поисках останков «Аточи», манившей его к себе, как первая любовь. Путь к ней занял еще несколько лет, но теперь уже фортуна, избравшая Фишера своим фаворитом, была не в силах отказать ему в праве на остальные богатства «Аточи».

Да и сам Мел позаботился о том, чтобы поиски были удачными: из свалившихся на его голову миллионов он затратил немалую часть на приобретение новых поисковых судов и оборудования. И был с лихвой вознагражден: заждавшаяся его «Аточа» отдала ему практически все свое состояние – огромное количество золота, изумрудов, серебряных слитков и монет. Теперь уже общая стоимость добытых бывшим фермером морских трофеев составила чуть ли не сотни миллионов долларов.

Если Мела Фишера можно считать чемпионом по изъятию ценностей, незаконно присвоенных Нептуном, то на роль серебряного призера этих неофициальных соревнований, пожалуй, вправе претендовать его соотечественник Барри Клиффорд. С его именем связаны удачные поиски пиратской галеры «Уайды», которая в 1717 году села на мель и затонула на мелководье всего в нескольких сотнях метров от флоридского пляжа Кейп-Код в Маркони-Бич.

О богатствах «Уайды» ходили легенды. Согласно историческим хроникам, прежде чем разбиться о рифы, пираты успели ограбить примерно полсотни кораблей. Изучение их судовых документов позволило Барри решить несложную задачу на сложение и оценить пиратские сокровища примерно в 400 миллионов долларов. Одного только золотого песка по самым скромным подсчетам на галере находилось не менее 4,5 тонны. Свыше полумиллиона серебряных монет, большой груз африканской слоновой кости, ларец с драгоценными камнями из Индии – словом, было от чего не спать по ночам и грезить об удаче.

К поискам «Уайды» Клиффорд приступил весной 1982 года. Не прошло и недели, как нанятые им ныряльщики нашли на глубине около десяти метров обломок глиняной трубки, несколько медных гвоздей и обрывки корабельных ремней. Сердце подсказывало Барри, что это «весточки» от заветной галеры, к которой были обращены все его помыслы. Но убедить в этом компаньонов, чтобы развернуть широкие поисковые работы, ему не удалось.

Спустя два года в тех же краях удалось обнаружить три

пушки, но и они могли принадлежать любому из множества кораблей, нашедших последний приют вблизи коварных флоридских, рифов. Прошел еще год. И вот, обследуя очередной подводный участок, один из аквалангистов заметил какой-то предмет, почти полностью зарывшийся в подводные дюны. Что это? Когда находку высвободили из песчаного плена, взорам ныряльщиков предстал большой судовой колокол. Он-то мог многое рассказать искателям.

Покрытый толстым слоем ракушек колокол не без труда подняли в лодку и доставили на берег. Здесь его очистили от наростов, и металл заговорил: на бронзовом ободе отчетливо виднелись слова – «Галера „Уайда“ – 1716 г.». Теперь уже сомнений не оставалось: где-то поблизости море скрывает огромный клад. Как сказал тогда Клиффорд, «пришел час большого улова». Он не ошибся. Вскоре начался отличный «клев». Ныряльщики работали от зари до зари, без выходных и праздников. Да разве истинный кладоискатель сможет отдыхать, если каждое погружение приносит столько драгоценностей, что и во сне не приснится? В общей сложности аквалангисты Клиффорда добыли со дна сокровищ на сумму примерно 15 миллионов долларов. Такой «улов» уместно сравнивать не с золотой рыбкой, а с целым косяком крупных золотых рыб.

Сокровища легендарного галеона

Если читатель помнит, мы расстались с испанским галеоном «Нуэстра де ла Консепсьон» после того, как Уильям Фипс в конце XVII века завершил свою весьма удачную экспедицию к его останкам, покоящимся среди коралловых рифов Силвер-Банк (Серебряной Отмели) – так стали называть этот район Атлантики после находок Фипса. И хотя собранный им урожай серебра составил не менее трех десятков тонн, едва ли не в десять раз большее количество драгоценного металла продолжало лежать где-то на морском дне среди обломков галеона: ведь, как свидетельствуют старинные документы, он был загружен серебром аж до пушечных портов. Главную часть груза составляли реалы – монеты, отчеканенные в 1640 году в бывших испанских владениях, располагавшихся на территории нынешних Мексики, Боливии, Перу. Фипс, разумеется, не стал обнародовать, точное местоположение «Консепсьона», и вскоре о серебряном галеоне надолго забыли. Следующую страницу в биографию легендарного судна вписал уже в наши дни американский искатель сокровищ и приключений Берт Уэббер.

С детских лет в нем жила мечта о море, точнее, о неведомом подводном мире, о погибших бригах и каравеллах, хранящих множество жгучих тайн. Юношей он всерьез увлекся аквалангом и буквально избороздил с ним затопленные каменоломни Пенсильвании. Тогда же Берт сделал жизненный выбор: поступил в училище подводного плавания в Майами. Вскоре ему довелось принять участие в профессиональной экспедиции, организованной Музеем затонувших сокровищ во Флориде для поиска старинных кораблей – пленников океана. «Брезжила надежда, что будут найдены сокровища, – писал впоследствии Уэббер. – Их не оказалось. Но подводные операции, подъем грунта, сделанные находки настолько притягивали к себе, что я понял: надо найти средства, чтобы это стало моей профессией».

За первой экспедицией последовала вторая, затем третья, четвертая… Однако все они были неважно подготовлены, и море не сочло нужным хотя бы частично их субсидировать. Собственно говоря, не золото и серебро влекли Уэберра: «Для меня деньги никогда не были единственной целью, – говорит он. – Разумеется, – надо платить по счетам и обеспечивать семью, но меня больше всего влекут поиск, приключения, погоня за мечтой, стремление к невозможному. То, что требует мужества, бросает вызов».

И Брет бросил вызов судьбе: он решил повести

самостоятельный поиск затонувших судов вблизи побережья Флориды и у Багамских островов. Но фортуна не торопилась оказывать ему свою благосклонность: проходил год за годом, но каждый раз Уэббер возвращался помой с пустыми руками. А дома его ждали жена и четверо детей, накормить которых даже самыми сладкими грезами, увы, не удавалось. Экспедиционное межсезонье приходилось заполнять весьма далекой от морской романтики деятельностью: работать на заводе у конвейера, торговать книгами, перебиваться случайными заработками. Но мечта продолжала оставаться для него путеводной звездой.

Неудачи случайных поисков навели Уэббера на мысль о том, что все усилия нужно сосредоточить на каком-либо конкретном корабле, место гибели которого приблизительно известно. И вот тогда-то близкий друг и помощник Берта Джим Хаскинс напомнил о знаменитом «Консепсьоне», или, как его иногда называли, «галеоне Фипса». «Мне кажется, – поделился своими раздумьями Джим, – там еще осталось много сокрытых морем богатств. Все записи говорят о том, что Фипсу не удалось найти корму судна, заросшую кораллами». Идея пришлась Уэбберу по душе, и вскоре друзья отправились за океан, чтобы порыться в» ест-индских архивах Севильи, познакомиться с документами морского музея в Мадриде и Британского музея в Лондоне. На это ушло у них долгих четыре года.

«Чем больше я анализировал записи, – вспоминал спустя несколько лет Уэббер в книге „Утраченные сокровища „Консепсьона“, – тем больше крепла во мне уверенность, что успех возможен и следует сделать попытку. Изучив уже достаточно материалов, я занял деньги у одного чикагского банкира, добился исключительного права на поиски у правительства Доминиканской Республики и достал карту аэрофотосъемок. В 1977 году я начал одну из самых основательно подготовленных экспедиций, которая когда-либо отправлялась к Серебряной отмели“.

Почти полгода группа подводников Уэббера провела у рифов. Были обнаружены обломки 13 погибших здесь судов. Их местоположение Берт нанес на карту и передал ее в соответствующее ведомство Доминиканской Республики. Однако даже на след «Консепсьона» напасть не удалось. Но ведь не мог же галеон исчезнуть. Значит, нужно продолжать поиск.

Уэббер возвращается домой в Чикаго. Благодаря финансовой помощи веривших в него друзей и знакомых он основывает фирму «Си квест интернэшнл» и вновь направляет Хаскинса в Испанию для продолжения архивной «разведки». Там-то и произошло событие, которое привело в дальнейшем к удаче. Роль

доброй феи в этом сыграла молодая канадка Виктория Стаппелс-Джонсон, по поручению профессора Лондонской школы экономики Питера Эрла изучавшая по испанским документам историю «Консепсьона». Виктория поведала Джиму о том, что ее шеф собирает материал для своей будущей книги о флоте именно тех времен, к которым относится и год гибели серебряного галеона.

Когда об этом узнал Уэббер, он тут же решил связаться с профессором Эрлом. «Как знать, думали мы, вдруг у него окажется та ниточка, которой недостает нам, – рассказывает Берт. – Разве могли мы предположить, что у профессора уже давно имеется утраченный, казалось бы, ключ ко всему делу: судовой журнал корабля „Генри“? Чем уж сумел Уэббер расположить к себе английского ученого, трудно сказать, но как бы то ни было, вскоре он держал в руках копию рукописи, на первой странице которой характерными для старинного письма буквами сообщалось: „Журнал нашего путешествия начинается с Божьей помощью в 1686 году на борту корабля „Генри“ под командованием Фрэнсиса Роджерса, направляющегося к банке Амброзия, что к северу от острова Эспаньола, в компании с „Яковом и Мэри“ под командованием капитана Уильяма Фипса на поиски затонувшего испанского галеона, в чем да поможет нам Бог“.

Если с судовым журналом «Якова и Мэри» были знакомы многие, то журнал «Генри» на протяжении трех столетий фактически находился вне поля зрения историков и искателей сокровищ. Среди множества книг и рукописей он хранился в частной библиотеке в имении английского лорда Рамни, пока не был извлечен на свет. Но именно «Генри» первым подошел к тому злосчастному рифу, где покоился «Консепсьон», поэтому в его судовом журнале фигурировали точные координаты серебряного «прииска». Журнал же основного судна хранил записи уже об операциях по подъему сокровищ.

Должно быть, ни одну книгу в своей жизни Уэббер не листал с таким волнением, как те страницы, что передал ему Эрл. «Когда я в Англии прочитал судовой журнал „Генри“, то понял, что в 1977 году мы прошли над тем самым местом. Но поскольку „Консепсьон“ был слабой мишенью для нашей магнитометрической аппаратуры, мы его не обнаружили».

Примерно в то же самое время, когда происходили описываемые события, в области магнитометрии свершилась подлинная революция: канадская фирма «Вариант ассошиэйтс», специализировавшаяся на выпуске магнитометрических приборов и систем, создала принципиально новый переносной

магнитометр. Уэббер числился консультантом этой фирмы, и ему как уже широко известному исследователю подводного мира было поручено провести практические испытания прибора. С ним аквалангист мог нырять к самому подножию рифа и обнаруживать металл даже тот, который был укутан трехметровым слоем песка или забаррикадирован окаменевшими кораллами.

Пришлось занять еще почти полмиллиона долларов и вновь бросить якорь у хорошо знакомых рифов. На этот раз фортуна явилась на свидание с членами экспедиции уже через пять дней: во время одного из погружений «Консепсьон» был найден. «Фипсу казалось, – пишет Уэббер в своей уже упоминавшейся книге, – что кораллы поглотили кормовую часть судна, закрыв доступ к основным сокровищам. Лишь благодаря повторной находке три столетия спустя мы поняли, что кормы здесь не было. Видимо, вскоре после катастрофы сильнейший шторм расколол „Консепсьон“ надвое. Кормовую часть перебросило через риф и протащило примерно метров 120, прежде чем она легла на дно кораллового каньона. Там я и обнаружил ее с помощью магнитометра. Здесь оказалась основная часть утерянных сокровищ и ремесленные изделия».

Начались трудовые будни, но Берт и его сподвижники твердо верили, что праздник уже не за горами. Чтобы его приблизить, пришлось напряженно работать почти год: нужно было разрушить и удалить сотни тонн коралловых наростов, прочным панцирем сковавших обломки галеона вместе с его драгоценным грузом. Но наконец путь к сокровищам открыт. Наступило время, когда каждое погружение было уже не в тягость, а в радость: словно проникшись симпатией к группе Уэббера, море щедро вознаграждало подводных тружеников за упорство и трудолюбие.

Вот найдено множество серебряных монет чеканки 1640 года (кстати, они-то и подтвердили, что найден именно «Консепсьон», потерпевший крушение, как помнит читатель, в 1641 году). Следом на палубу поискового судна водолазы поднимают две крупные золотые цепи, изготовленные в Китае. День ото дня растет гора серебряных слитков – их набралось несколько тонн! Большой интерес вызвали китайские фарфбровые чашки эпохи династии Мин, которая правила страной без малого три столетия, но сошла с исторической сцены через три года после гибели «Консепсьона». Любопытно, что чашки неплохо перенесли шторм и удары галеона о рифы: из 30 штук только две оказались разбитыми. В том же сундуке, где находился фарфор, была обнаружена и контрабанда: какой-то хитрец, надеясь обмануть испанских таможенников, спрятал в двойном дне сундука

толстый слой серебряных монет. Но еще прежде кто-то надул самого контрабандиста: среди его тайного груза оказалось немало поддельных монет довольно тонкой работы, свидетельствовавшей о высоком мастерстве новосветских фальшивомонетчиков той поры. Со дна моря подводники извлекли навигационные приборы «Консепсьона»: три астролябии и крестообразный нивелир.

Добычу группы специалисты оценили во много миллионов долларов. И хотя половину из них, согласно договору, пришлось отдать правительству Доминиканской Республики, в территориальных водах которой покоятся останки «галеона Фипса», доход основанной Уэббером фирмы оказался весьма солидным. Вместе со значительными материальными средствами Берт приобрел и высокую международную репутацию как исследователь подводного мира. Научный подход к делу, участие в разработке и испытании нового оборудования для морских поисков, бережное отношение к находкам, имеющим большое археологическое значение, – все это выгодно отличает Берта Уэббера от тысяч алчных искателей сокровищ, готовых ради блеска золота крушить все и вся, взламывать и расхищать подводные «склады», нисколько не заботясь об исторической и культурной ценности многих «неблагородных» грузов затонувших кораблей прошлого.

У читателя могло сложиться впечатление, что стоит только начать подводные поиски, как вскоре придет удача по принципу веселой песенки, чересчур оптимистично утверждающей, что «кто ищет, тот всегда найдет». Увы, это далеко не так: ведь и «Волгу» выигрывает отнюдь не каждый купивший лотерейный билет. И Мел Фишер, и Барри Клиффорд, и Берт Уэббер, с которыми вы смогли познакомиться, – лишь единичные избранники фортуны из многомиллионной армии тех, кто пытался и пытается найти счастье на подводных золотых или серебряных приисках. Но кто сосчитал все разочарования или неудачи, выпавшие на долю подавляющего большинства этих искателей сокровищ? Кто знает, сколько драм и трагедий свершилось на этом скользком пути?..

Пожалуй, тысячу раз прав Жак Ив Кусто, тоже, как вы знаете, отдавший дань поискам затонувших сокровищ, но практически так и не нашедший их: «Жизнь и напряженная деятельность, – говорит знаменитый ученый и путешественник, – вот подлинное сокровище».

Не златом единым

Спору нет: очень многих искателей счастья, готовых погружаться за ним в океанские пучины, затонувшие сокровища, привлекают прежде всего своей ценностью. Но учеными, которых именуют подводными археологами, как правило, руководит отнюдь не корысть, а желание пролить свет на еще не прочитанные страницы истории жизни наших далеких предков, добыть неизвестные прежде сведения об уровне материальной культуры общества в давние времена. Вот почему для таких бескорыстных рыцарей науки найденный на дне простой корабельный гвоздь или якорь порой представляет куда больший интерес, чем, скажем, украшение из благородного металла, а глиняная амфора, пролежавшая в воде десятки столетий, может доставить ничуть не меньше радости, чем подаренный Нептуном изумруд или бриллиант. А разве не на вес золота ценятся некоторые спасенные из морского плена произведения искусства, например скульптуры, изваянные древними мастерами из бронзы или мрамора?

История подводной археологии богата яркими событиями. Одно из них произошло около сорока лет назад, вблизи забытого богом рыбачьего поселка Бодрум, приютившегося у мыса Гелидонья на западном побережье Турции. Когда-то, в античную эпоху, здесь стоял основанный еще в конце 2 тысячелетия до н. э. греческими колонистами крупный город Галикарнас – столица, Карий. Этот торговый и культурный центр известен как родина великих историков Древней Греции-Геродота и Дионисия Галикарнасского, но еще более как место, где в середине IV века до н. э. было воздвигнуто одно из замечательных сооружений древности – Мавзолей.

Так стали называть гробницу карийского правителя Мавсола, сооруженную по воле его жены Артемисии и причисленную впоследствии к семи чудесам света. К сожалению, ни сам город, ни Мавзолей не уцелели до наших дней: они были безжалостно разрушены рыцарями-крестоносцами, захватившими в XV веке побережье Малой Азии. Селение Бодрум – все, что осталось сегодня от некогда величественного города.

В один из летних дней 1953 года бодрумские рыбаки вернулись домой с необычным уловом: со дна моря они вытащили крупную, больше человеческого роста, бронзовую статую, обвитую водорослями и облепленную раковинами. Об удивительной находке местные жители сообщили в Археологический музей турецкой столицы Анкары. Прибывшие

через несколько дней в Бодрум специалисты по достоинству оценили прекрасное творение неизвестного античного мастера. «Мы тут же поняли, – писал после возвращения в Анкару один из экспертов, – что видим нечто необычное. В ярком свете дня голова статуи предстала перед нашими глазами во всей своей совершенной красоте. Ее грустное и милое лицо тотчас убедило нас, что эта скульптура – подлинный шедевр. В этом лице волнует неподдельная сила чувства, какая присуща лишь созданиям истинно больших мастеров».

Искусствоведы смогли лишь определить возраст морской красавицы: она, по всей видимости, создана в IV веке до н. э., то есть во времена великого скульптора Древней Греции Праксителя. Но кто именно изваял ее? Как этот шедевр оказался на морском дне, да еще примерно в километре от берега? Вероятнее всего предположить, что скульптура находилась на борту какого-то парусника, затонувшего неподалеку от гавани Галикарнаса. В таком случае где-то рядом должны покоиться и останки этого судна, и остальной его груз, быть может, столь же ценный, как и печальная женщина, отлитая из бронзы.

Идея заинтересовала молодого американца Питера Трокмортона – журналиста и подводника. И вот он уже у берегов. Турции, там, где море отдало бодрумским рыбакам свою очаровательную пленницу. Раз за разом погружается Питер в воду, пока наконец не находит на морском дне старинную галеру. Окрыленный удачей он шлет в США телеграмму своим друзьям, и вскоре ему на помощь прибывает целая группа аквалангистов. В течение нескольких недель они буквально обшаривают все прибрежные воды, омывающие небольшой остров Ясси. Успех превзошел все ожидания: вместо одной галеры было найдено целое корабельное кладбище – обломки примерно четырех десятков судов, затонувших здесь в разное время на протяжении двух с лишним тысячелетий. Здесь покоились и античное гребное судно, и старинный турецкий фрегат, и даже подводная лодка, навеки застывшая на грунте в годы второй мировой войны. Но почему все они избрали именно это место в качестве своего последнего пристанища? Ответ на этот вопрос стал очевиден, когда ныряльщики обнаружили поблизости коварный скальный риф, спрятавшийся на глубине всего несколько метров: словно острый нож, он легко вспарывал деревянные обшивки парусников, да и судам с металлическим корпусом мог нанести смертельные раны.

Особый интерес аквалангистов вызвал византийский грузовой корабль, потерпевший крушение и ушедший на дно примерно четырнадцать столетий назад: так, по крайней мере,

показало тщательное изучение монет, керамики и других предметов, найденных водолазами на судне. Среди них оказались бронзовые весы, которые были обнаружены в капитанской каюте и на которых удалось прочитать выгравированное имя Georgos. Быть может, Георгосом звали капитана погибшего корабля? В его каюте сохранились даже остатки трапезы – косточки маслин, орехи и панцирь омара. А вот промочить напоследок горло капитану, видно, не довелось: поданная к столу амфора с вином была запечатана воском. Но хотя поиски у турецких берегов длились еще несколько лет, получить ответ на вопросы, связанные с биографией прекрасной незнакомки из Бодрума, подводные археологи так и не смогли.

Уж коли речь зашла об амфорах с вином, поведаем еще об одной находке, завершившейся дегустацией древнего напитка, выдержка которого намного превысила все мыслимые и немыслимые технологические сроки. Во время работы одной из экспедиций Жака Ива Кусто на его знаменитом научном судне «Калипсо» у крохотного скалистого островка Гран-Конглуэ, близ побережья Прованса летом 1952 года французские аквалангисты нашли на морском дне останки галеры, на палубе которой под слоем затвердевшего ила и песка среди прочего груза удалось обнаружить множество греческих амфор, некогда заполненных вином, а теперь – морской водой. Но однажды ныряльщикам попалась закупоренная амфора с сохранившимся содержимым. Торжественно вскрывается пробка, и густая мутная жидкость льется в стаканы: древнегреческое вино опробывают прежде всего сам Кусто и его помощник Лальман.

Хотя морская вода не проникла в вино, алкоголя в нем уже не было. Едва пригубив напиток древних греков, вернее, то, во что он превратился за долгие столетия незапланированной выдержки, Лальман сразу же его выплюнул, зато Кусто неторопливо, словно коньяк, выпил свою порцию и так прокомментировал результаты дегустации: «Видно, неважный виноград вырос в тот год…» Без особого удовольствия жидкость попробовали и некоторые другие – наиболее любознательные – члены экспедиции, а остатки выплеснули из амфоры за борт. Правда, тут же и пожалели: нужно было, конечно, оставить немного экзотического античного напитка для химического анализа. К сожалению, все дальнейшие попытки найти хотя бы еще один сосуд с вином, успехом не увенчались.

Более удачливым в этом отношении оказался мексиканский ныряльщик, который в 1959 году, погрузившись в воду у кораллового рифа в нескольких километрах от побережья штата Юкатана, нашел валявшуюся на дне бутылку с ромом. Напиток

пришелся ему по вкусу, и спустя какое-то время он вновь отправился на добычу. И что же? На этот раз море оказалось необычайно щедрым, подарив своему гостю не только еще десяток таких же бутылок, но и золотые часы в придачу. Гравировка на крышке часов, где было указано «London 1738» и имя мастера, позволила более или менее точно установить дату кораблекрушения. Кстати, внутри часов сохранился даже обрывок английской газеты, которая рассказывала своим читателям о подвигах венгерского генерала Зекендорфа, отважно сражавшегося в том же 1738 году с турецкими войсками, а на обороте публиковала рекламное объявление лондонской аптеки, настоятельно рекомендовавшей пользоваться патентованными средствами от подагры и ревматизма.

Дальнейшая судьба бутылок с ромом двухвековой выдержки нам неизвестна, но, пожалуй, пора уже от алкогольных напитков перейти к закуске, также добытой со дна морского. Не желали ли бы вы отведать, например, рыбных консервов, которые, вполне возможно, предназначались для легионеров Юлия Цезаря, дислоцированных два тысячелетия назад в отдаленных провинциях Римской империи? Да-да, не удивляйтесь: амфоры с гарумом – так назывался ароматный рыбный маринад, считавшийся одним из любимых блюд древних римлян, – были обнаружены на дне моря у небольшой деревушки Альбенга, расположенной на побережье Лигурийского моря. Произошло это вскоре после второй мировой войны, однако еще задолго до этого до ученых доходили слухи о том, что местные рыбаки нет-нет да и вытаскивали невод с древними амфорами.

Слухами всерьез заинтересовался профессор Нино Ламболья – директор Института по исследованию Лигурии. В Альбенгу была направлена группа водолазов, которые довольно быстро нашли на глубине около 50 метров античную галеру с множеством амфор на палубе и в трюмах. По просьбе ученого аварийно-спасательная служба предоставила в его распоряжение судно «Артильо II», которое и стало плавучей базой отряда подводников, занявшихся разгрузкой древнего транспортного судна. Не прошло и двух недель, как из пучины было извлечено более тысячи амфор, причем большинство их оказались целыми и невредимыми.

Ламболья и его помощники приступили к изучению амфор и их содержимого. К удивлению ученых, некоторые амфоры были заполнены… сосновыми шишками. С какой целью? О назначении шишек оставалось только гадать, хотя гипотез на этот счет предлагалось немало. Во многих Сосудах находился более подходящий груз – орехи, кстати, неплохо сохранившиеся за

двадцать столетий: ныряльщики с удовольствием щелкали их в свободное от работы время. Однако больше всего оказалось амфор с уже упоминавшимся гарумом, который изготовлялся во многих городах империи как для собственного потребления, так и для продажи в другие провинции и страны.

Не только амфоры, но и множество других старинных вещей удалось извлечь из воды: сотни предметов бытовой утвари и личного обихода, детали судна, в частности, неизвестно для чего служившее свинцовое колесо. Вполне закономерный интерес ученых вызвали три воинских шлема весьма необычной формы и некоторое другие элементы снаряжения римских легионеров. Поскольку число находок множилось не по дням, а по часам, решено было соорудить для них специальное музейное, здание. Итальянская печать, широко освещавшая водолазные работы, назвала их итоги крупным достижением подводной археологии. Но вместе с тем раздавались и голоса, критиковавшие руководство экспедиции за целый ряд существенных Промахов, в частности, за то, что не было выполнено ни одного эскиза места находки, не сделано ни одной фотографии.

Последнее замечание нельзя было, не признать справедливым: ведь подводное фото графирование насчитывало к тому времени уже почти шесть десятилетий. В 1892 году француз Луи Бутан сконструировал и изготовил первую в мире фотокамеру, для съемок под водой, а через несколько, месяцев успешно применил ее на практике. В 1900 году Бутан заявил: «Я открыл новую область. Пусть теперь другие вступают в нее, протаптывают новые тропы, добиваются новых успехов».

Первым среди этих других оказался репортер одной из американских газет Джон Эриест Уильямсон, который спустя полтора десятилетия не только сделал фотоснимки под водой, но и впервые создадут подводный кинофильм. Однажды вечером, возвращаясь по узкой улочке домой из редакции, он взглянул на небо и в лучах заходящего солнца увидел необычную картину: «Над кривыми крышами и покосившимися трубами высилось ясное зеленоватое небо, и меня охватило странное ощущение, будто я стою на дне моря среди руин открытого под водой города. На меня вдруг нашло вдохновение сфотографировать подводный мир»..

Воплотить мечту в жизнь Уильямсону помог отец – владелец судоремонтного заводика в штате Виргиния. Незадолго до того, как сына осенило вдохновение, Уильямсон – старший соорудил оригинальную камеру, предназначенную для наблюдений: и спасательных работ на небольших глубинах. Сферическая камера, снабженная иллюминаторами, прикреплялась к барже с помощью

широкого металлического цилиндра, идущего вниз:, внутри него помещался трап, по которому можно было спуститься в камеру и через который в нее поступал воздух. Это сооружение и решил использовать для подводных съемок Уильямсон-младший.

Вскоре на столе редактора газеты «Виргиния пайлот» лежали снимки, запечатлевшие подводный мир, а в голове Джона уже зрел план съемок под водой кинофильма. Снимки были напечатаны в газете, и идея киносъемок пришлась по душе голливудским магнатам: они тут же ассигновали немалые суммы для создания фильма, обещавшего вызвать фурор среди любителей становившегося на ноги кинематографа…

Спустя несколько месяцев в прозрачных водах побережья Багамских островов закипела работа. В роли первых подводных киногероев выступили местные ныряльщики-туземцы, бросавшиеся на дно за монетами. На пленку были засняты и коралловые рифы, и дивные водоросли, И стаи рыб, и морские звезды. Но, хоть дело происходило в соленой воде, владельцы Голливуда сочли эти сюжеты пресными. Требовалось что-нибудь остренькое, душещипательное. И Уйльямсон решается снять на кинопленку сражение человека с акулой.

Два туземца за солидное вознаграждение согласились на участие в подводной «корриде». В воду была спущена в качестве приманки мертвая лошадь, и акулы не заставили долго ждать себя. Взяв в руку огромный нож, ОДИН из смельчаков отважно ринулся в воду. И хотя он блистательно провел бой и вонзил клинок в акулье брюхо, в кадр эта едет не попаду: участники поединка в самый важный момент оказались вне поля зрения неповоротливого объектива.

Второй ныряльщик, как выяснилось, был не столь храбрым и предпочел прятаться от морской хищницы за лошадиной тушей. Но она не должна была появляться на экране, поэтому ничего путного снять не удалось. Тогда Уильямсон решился на подвиг: «Фильм я все-таки сделаю, – заявил он кинооператору. – Буду драться с акулой сам». И вот натертый особой мазью, он, стоя на борту, выжидал, когда какая-либо из акул, а их рядом с наблюдательной фотосферой вертелось с дюжину, появится перед широким иллюминатором.

Наконец, одна из «героинь» вошла в кадр, Уильямсон наполнил воздухом легкие и смело прыгнул за борт.

Пловец сразу оказался под акулой, которая, заметив его, тотчас вильнула хвостом и поплыла на «тореро» с разинутой пастью. «Огромная серая туша почти бежала на мне, – вспоминал позднее Уильяме. – Я помнил маневр, которым пользовался туземец, и решил повторить его. Отклонившись в сторону, я

ухватил чудовище за плавник, стараясь не выпускать его из руки. Затем, изогнувшись, подплыл под мертвенно-бледное брюхо, чтобы занять наиболее выгодное положение. После этого, собрав последние силы, нанес удар. Дрожь пробегала по моей руке, когда я чувствовал, как лезвие ножа вонзается но самую рукоять в брюхо акулы. В следующее мгновение ее забившееся тело стало бросать меня из стороны в сторону. А потом – туман, сумятица, хаос…»

Когда «туман» рассеялся, Уильямсон понял, что лежит в спасательной лодке. Все вокруг ликовали и поздравляли мужественного продюсера фильма, убившего грозную хищницу и позволившего снять редкие по зрелищности кадры. Вскоре по экранам многих стран прошел документальный фильм «Подводная экспедиция Уильямсона», вызвавший огромный зрительский интерес.

Успех подстегнул, основателя подводного кинематографа. В короткий срок один за другим выходят фильмы Уильямсона «Подводный глаз» (о поисках затонувших драгоценностей), «Девушка из моря» и, наконец, «Двадцать тысяч лье под водой», снятый по известному роману Жюля Верна и занявший почетное место в истории кино. Этот фильм долго был гвоздем программы мирового экрана. И специалисты, и любители кино не скупились на комплименты создателям фильма. Особых похвал удостоились кадры, в которых водолаз вёл смертельную схватку с гигантским спрутом. По сравнению с этой сценой, снятый раньше бой Уильямсона с акулой, едва не стоивший ему жизни, выглядел заурядной подводной потасовкой. Один из критиков, публично заявил, что в поразившем всех эпизоде нового фильма «нет ни намека на подделку или обман». Лишь когда через два десятка лет Уильямсон выпустил в свет свои мемуары, выяснилось, что спрут был выполнен из резины, а управлял движениями его огромного тела и щупальцев спрятанный внутри водолаз.

Трюк Уильямсона был в числе первых кинематографических приемов и средств, дозволявших снимать самые страшные сцены без особого риска для участников съемок. Но море не меняло свой крутой нрав, и киносъемки под водой продолжали оставаться делом, опасным для жизни. Это подтвердила печальная участь, постигшая одного из последователей Уильямсона – кинооператора Джима Эрнеста. Вместе со своим другом и компаньоном Джоном Крейгом он решил заняться поисками драгоценностей затонувшего у южных берегов Калифорнии старинного испанского судна, а заодно отснять поиски на кинопленку. Надежды на успех сулила попавшая как-то в руки одного из них довольно ветхая карта залива Ла-Пас, на

которой стоял выцветший от времени крестик – место гибели корабля.

Карта не подвела: вскоре после начала поисковых работ судно удалось обнаружить. И вот уже Джим спускается под воду с автоматической кинокамерой. Крейг, оставшийся наверху, внимательно следит по воздушным пузырькам, выныривающим с глубины, за перемещениями своего товарища. Но что это? Внезапно задергался сигнальный конец: четыре двойных рывка – условный знак экстренного подъема. Подручный Антонио начал быстро вытягивать лини, но в этот момент какая-то сила потянула у него из рук воздушный шланг, а сам он едва не упал за борт. С трудом удерживаясь на ногах, Антонио уже в следующее мгновение увидел, как из воды всплыл конец шланга. А где же Джим?

Крейг, не теряя ни минуты, облачается в водолазное снаряжение и вместе с другим помощником отправляется на поиски. Вот перед ними – затонувшее судно, еще несколько томительных минут – и Крейг видит кинокамеру, упавшую в ил. Сомнений нет: с Джимом произошло несчастье, и он, лишившись воздуха, несомненно, погиб. Поискав своего товарища еще какое-то время, но так и не найдя его, водолазы, прихватив с собой осиротевшую камеру, поднялись на поверхность. Быть может, пленка поведает о том, что случилось на глубине: ведь аппарат действовал под водой автоматически.

Пленка извлечена из киноаппарата, проявлена, вставлена в проектор – и на экране появляется мутное изображение затонувшего судна, которое с каждой секундой становится все ближе и отчетливее. Теперь в кадре сам Джим: он установил камеру на дне, а сам благодаря этому превратился в киногероя. Вот он тащит несколько досок, затем поворачивается и снова направляется к судну. В какой-то миг на экран находит тень. Джим поднимает голову, и тут же в кадре появляется громадный скат. Колышущийся диск зависает над водолазом.

Кинопроектор продолжает стрекотать, бесстрастно воссоздавая страшную картину гибели Джима Эрнеста. Едва сдерживая слезы, Крейг вглядывается в экран; он должен знать все, что случилось с другом. Вот скат обхватывает спинным плавником воздушный шланг и оба линя – сигнальный и спасательный, а затем, словно огромный коршун, обрушивается на Джима, сбивает его с ног и продолжает наносить удары могучими плавниками. Камера находилась всего в нескольких шагах, и Крейгу порой казалось, что человек и его смертельный враг вот-вот выплывут из экрана в тесную каюту, где проходил этот полный ужаса киносеанс. Что случилось в последние

секунды подводной дуэли, узнать не довелось: изображение на экране заколыхалось, помутнело и вовсе исчезло. Последний фильм кинооператора Джима Эрнеста закончился…

Если фото– и кинокамеры прочно освоили подводное царство еще в начале века, то теледебют под водой состоялся лишь в 1947 году, вскоре после того, как на Тихоокеанском коралловом атолле Бикини прошли испытания американской атомной бомбы. Специалистам необходимо было узнать, как отреагировал на взрыв подводный мир и какие повреждения получили лежавшие на дне вблизи атолла затонувшие некогда суда. Но не посылать же водолазов на верную гибель? Ведь радиоактивное заражение при этом неизбежно. Тогда-то и решили «командировать» в воду телевизионные камеры. Однако первый блин оказался комом: едва заметное изображение, появившееся на экранах телеприемников, позволяло лишь догадываться о том, что попало в объектив.

Спустя четыре года эксперименты были продолжены. Поводим для них послужило загадочное исчезновение английской подводной лодки «Эффрей». Выйдя из Портсмута в пролив Ла-Манш, она какое-то время выполняла учебное задание, но затем с ней что-то случилось. Сигналы бедствия приняли многие суда. Развернувшиеся поиски возглавил капитан-лейтенант военно-морского флота Великобритании Дж. Н. Бэсерст капитан плавучей базы «Риклейм». Поскольку точные координаты аварии не были известны, работы пришлось вести на большой территории – вдоль предполагаемого курса подводной лодки. Речь шла прежде всего о спасении экипажа – на борту лодки было 75 человек.

День проходил за днем, но, несмотря на то что в распоряжении поисковиков было новейшее гидролокационное оборудование, никаких следов аварии обнаружить не удалось. Все понимали, что люди погибли, но «Риклейм» продолжал бороздить морские просторы. Как только эхолот «замечал» на дне какие-либо существенные неровности, подозрительное место начинал прощупывать гидролокатор, позволявший получить более или менее точное представление о форме и размерах найденного выступа. Если он напоминал подводную лодку, под воду спускались водолазы, но их ждали на дне лишь давно затонувшие суда. «Эффрей» как в воду канула, впрочем, так оно и было в самом буквальном смысле. Дальнейшие поиски могли затянуться надолго.

Что же предпринять? Неожиданную помощь морякам предложили сотрудники научно-исследовательской военно-морской лаборатории, располагавшейся в Теддингто-не: они

рекомендовали использовать телевидение. Капитан Бэсерст и инспектор водолазной службы Шелфорд прибыли в Теддингтон, чтобы познакомиться с непривычной для них техникой. «Ящик с фокусами» – так окрестили они герметичную телевизионную камеру фирмы Маркони с множеством различных приспособлений – не внушил морским волкам особого доверия, но почему бы и не устроить ей нелегкий экзамен? Начальство одобрило идею, и вскоре на борт «Риклейма» для проведения испытаний прибыла группа старших офицеров во главе с адмиралом.

Наладка телевизионного оборудования завершена. Водолазу отдана команда на погружение, и он отправляется на дно. Глубина под «Риклеймом» примерно 45 метров. Все затихли в кают-компании словно в ожидании чуда. И оно пришло: на экране появилось хоть и слегка мерцающее, но очень хорошее изображение. Адмирал взял телефонную трубку, связывающею судно с ушедшим под воду матросом, и громко, будто тот находится за тридевять земель, прокричал: «Водолаз, вы меня слышите?» – «Да, сэр», – прозвучал в ответ четкий голос. Но у адмирала, видимо, все же оставались еще некоторые сомнения, и, чтобы они окончательно рассеялись, отдается новый приказ: «В таком случае напишите что-нибудь на грифельной доске». Офицеры увидели, как водолаз склонился над доской, и через минуту поднес ее к объективу телекамеры. Как только на экране появились слова, в кают-компании раздался дружный смех. На доске было написано: «Как насчет прибавки жалованья водолазам?»

Адмирал и другие офицеры по достоинству оценили и чувство юмора водолаза, и высокий уровень телевизионной техники, позволявшей рассчитывать на успешное завершение поисков подводной лодки.

Телевидение было взято спасателями на вооружение, а находившиеся на борту «Риклейма» ученые Росс Стэмп и Джон Филлипс, которым и принадлежала идея использования новинки для подводной разведки, постоянно, что называется «на ходу»,совершенствовали свое детище. Чуть ли не каждый день камера осматривала попадавшиеся «под руку» суда, передавая при этом на экран массу интересной информации.

Прошло несколько недель. Значительно упростившаяся технология поисков позволяла обследовать куда большую чем прежде, территорию морского дна, но подводная лодка по-прежнему не желала открывать свое местонахождение. Тем не менее и капитан плавбазы, и члены ее экипажа, и телевизионные специалисты – все верили в то, что удача рано или поздно придет.

И вот однажды гидролокатор «сообщил», что на восьмидесятиметровой глубине находится «неопознанный объект». Сначала под воду ушла наблюдательная камера. Когда она опустилась на нужную глубину, сидевший в ней матрос сообщил наверх, что видит затонувшее судно, очертаниями напоминающее подводную лодку. Однако плохая видимость – не далее трех метров – не позволяла дать более конкретное заключение.

Тогда-то и сказала свое веское слово телекамера. Как только ее спустили и подвели к корпусу лежавшего на песке корабля, все различили на экране орудийную башню подводной лодки. Но «Эффрей» ли это? «Риклейм» медленно перемещался по поверхности моря, а объектив телекамеры плыл вдоль корпуса неизвестного судна. Позади осталась рубка, и на экране появилась крупная буква «Y». Следом за ней в левую часть кадра поочередно вползали другие буквы, а предшествующие соответственно перемещались вправо: «A», «R», «F», «F» и наконец последняя – «A». Теперь уже все могли прочесть слово «AFFRAY». Такой потрясающе эффектной концовкой завершилась телепередача из морских глубин, поставившая точку над «i» в поисках подводной лодки «Эффрей».

С тех пор прошло немало времени. Фото-, кино– и телекамеры стали атрибутами практически всех солидных подводных экспедиций. Такая техника присутствовала и на борту глубоководных аппаратов, с помощью которых удалось обнаружить даже те суда, что покоятся под огромной, измеряемой километрами, толщей воды: легендарный английский лайнер «Титаник», немецкий линкор «Бисмарк», американскую атомную подводную лодку «Трешер» и многие другие корабли, в чьей судьбе океан сыграл зловещую роль.

Тайны утонувших городов

«Закаленные солнцем и морскими ветрами, в великолепных восточных шелках и драгоценных украшениях бородатые моряки толпятся здесь у пристаней и играют на золотые монеты, ценность коих никого из них не интересует. Таверны забиты золотыми и серебряными кубками, которые сверкают драгоценными каменьями, украденными из полусотни соборов. Любое здание здесь – сокровищница. Даже в ушах простого моряка тяжелые золотые серьги с драгоценными каменьями».Так одна из исторических хроник XVII века описывает Порт-Ройял – крупнейший торговый центр и главное пристанище пиратов Карибского бассейна, располагавшийся некогда на месте нынешней столицы Ямайки Кингстона.

Тот далекий летний день на острове был на редкость спокойным. Солнце медленно подбиралось к зениту, и густой полуденный зной плотно окутывал Порт-Ройял. Стоявшие в огромной бухте суда с убранными парусами лениво покачивались на легкой волне. Люди прятались в тень. Лишь подгоняемые плетками черные рабы, пританцовывая на прогнувшихся сходнях, перетаскивали на берег тюки с грузом и сундуки с награбленными флибустьерскими сокровищами. Кое-где над домами курился дымок: близился час обеда, и владельцы приморских кабачков жарили на вертеле аппетитные куски баранины, варили суп из устриц, в больших медных тазах тушили черепашье мясо с рыбой и ароматными пряностями. Казалось, ничто не может нарушить покой убаюканного жарой и тишиной города.

Внезапно откуда-то донеслись громовые раскаты, и город содрогнулся. А уже в следующее мгновение подземный толчок страшной силы превратил Порт-Ройял в груду развалин. Земля разверзлась, и в образовавшийся пролом с шумом ринулось море, накрывая собой все, что попадалось на пути: людей, дома, склады, повозки с лошадьми, лодки. С треском развалилась и рухнула находившаяся недалеко от залива церковь святого Павла. Последний печальный стон издал и скрылся под водой тяжелый церковный колокол.

Крупные суда, поднятые многометровыми приливными волнами, вторглись на берег и обрушились на крыши зданий, чтобы вместе с ними исчезнуть затем в гигантских затопленных водой расщелинах. В считанные минуты город перестал существовать. Безжалостная стихия унесла свыше 5 тысяч жизней – большую часть населения Порт-Ройяла. Произошло это 7 июня

1692 года в 11 часов 43 минуты.

Но откуда известно точное время трагедии? Неужели у кого-то из, немногих уцелевших хватило сил и мужества, чтобы хладнокровно зафиксировать этот страшный миг, который, должно быть, показался несчастным жителям Порт-Ройяла концом света? Нет, время показали часы, причем не простые, а золотые. Да-да, золотые часы, которые удалось поднять со дна участникам экспедиции во главе с Эдвином Липком, организованной в 1953 году Национальным географическим обществом США – для подъема затонувших сокровищ Порт-Ройяла и научного обследования затонувшего города. После одного из погружений поднявшийся на палубу аварийно-спасательного судна «Си Дайвер» водолаз показал товарищам свою добычу: небольшой круглый блестящий предмет – золотые часы, циферблат которых был покрыт твердой известковой коркой.

Вполне резонно было предположить, что часы принадлежали кому-либо из жителей или гостей пиратской столицы, встретивших там свой смертный час в момент рокового землетрясения. Тогда же остановился и часовой механизм. Линк принялся за чистку и изучение часов. Прежде всего он заметил на внутренней стороне крышки гравировку: «Поль Блондель». Кто он: мастер, изготовивший часы, или их владелец, погибший в тот кошмарный день в Порт-Ройяле? Это еще предстояло выяснить, а пока снова за работу. Аккуратно сняв с циферблата коралловую корку Линк увидел римские цифры, составленные из множества крохотных серебряных гвоздиков. Стрелок же на часах не было: за два с половиной столетия их съела коррозия. «Теперь у нас есть возможность точно установить время гибели города, – сообщил своим помощникам Эдвин Линк. – Если стрелки разрушились уже после того, как кораллы покрыли циферблат, рентгеновские лучи помогут определить их первоначальное положение, зафиксированное на коралловом слое».

Всем, конечно же, не терпелось найти ответ на этот вопрос, но, увы, под рукой не было рентгеновского аппарата. Выручил знакомый зубной врач из Кингстона. День спустя Линк уже внимательно изучал снимки циферблата, на который вновь была «надета» коралловая корка. Просветившие ее лучи показали те места, где когда-то застыли железные стрелки, «растаявшие» затем в морской воде. Следы стрелок на снимках просматривались довольно отчетливо: линия покороче находилась чуть левее двенадцати, а та, что подлиннее, немного поднялась над восьмеркой. Иными словами, часы остановились незадолго до полудня или полуночи.

Чтобы окончательно прояснить ситуацию, Линк послал находку в лондонский Музей науки и техники: там имеется лучшая в мире коллекция старинных часов и работают специалисты, знающие о них все. Вскоре в Кингстон пришла телеграмма из Лондона: «Часы изготовлены в 1686 году Полем Блонделем из Амстердама. Они показывают 11 часов 43 минуты». До сих пор было известно лишь, что трагедия обрушилась на Порт-Ройял жарким июньским днем, теперь благодаря находке на морском дне удалось установить и точное время землетрясения.

Экспедиция Эдвина Линка работала в подводном городе два с половиной месяца. За это время на палубе «Си Дайвера» побывало немало морских трофеев: медные ковши с длинными ручками, сломанные оловянные ложки, миски и другая кухонная утварь, бутылки из-под вина и пузырьки для лекарств, кровельная черепица и обломки кирпичей. Конечно же, и эти предметы, относящиеся к XVII веку, представляли немалый интерес для историков и археологов. Но часы оказались единственным золотым изделием, найденным членами экспедиции. Наступила пора сильных ветров, и работы пришлось сворачивать. «Си Дайвер» снялся с якоря и взял курс на Флориду.

Пожалуй, более удачливым с этой точки зрения оказался другой исследователь Порт-Ройяла – Роберт Моркс. В 60-х годах по заданию правительства Ямайки он провел довольно масштабные археологические поиски на бывших площадях и улицах покоренного морем города. «Это крупнейший объект подводной археологии во всем Западном полушарии», – писал ученый на страницах американского журнала «Нэшнл джиографик».

Сейчас мы располагаем уникальной возможностью выяснить, как выглядел целый город XVII века. При раскопках нам попадается даже пища, например масло, ставшее твердым, как камень. Мы знаем, какой табак курили тогда – нашли целый лист табака. Мы можем сказать, какие крепкие напитки пили в то время: подвергли анализу содержимое закупоренных бутылок. Там оказались ром, вино и брэнди. Мы подняли около 250 почти невредимых предметов оловянной посуды. Это больше, чем было найдено на всех других подводных археологических объектах Западного полушария, вместе взятых. Мы нашли шесть тысяч глиняных трубок, серебряные изделия, карманные часы и медный аппарат для перегонки рома».

Но были у Моркса находки и поинтереснее, чем имущество порт-ройялского самогонщика. В один прекрасный день водолазы достали со дна сундук с гербом испанского короля Филиппа IV. Сундук доверху был наполнен отлично сохранившимися

серебряными монетами второй половины XVII столетия. Как предусматривалось договором, клад перешел в собственность ямайских властей.

Нет сомнения, что Порт-Ройял еще не раз порадует подводных археологов и искателей счастья: ведь найдена лишь малая толика тех богатств, которые находились в городе в момент его гибели. Известно, что располагавшиеся вдоль пристани портовые склады всегда были битком забиты золотом, серебром и дорогими товарами, ожидавшими отправки в Европу: ведь в Порт-Ройяле в те времена сходилось множество морских торговых путей, соединявших крупнейшие гавани мира. К тому же город служил пристанищем многих пиратов, свозивших сюда свою добычу. Вот почему до сих пор ходит легенды о подводных кладах Порт-Ройяла, привлекающие сюда толпы туристов. В ясные дни на специальных лодках с прозрачным днищем они выходят в море и с любопытством всматриваются в синие воды-залива. Когда солнце светит особенно ярко, перед туристами предстает безмолвный мертвый город. Впрочем, кое-кому порой даже чудится доносящийся из глубины колокольный звон…

Разумеется, города тонут не так часто, как корабли, тем не менее у Порт-Ройяла немало «товарищей по несчастью». Особенно много утонувших городов находится в прибрежной полосе Средиземного моря. Один из них – легендарный Бибион, который история связала с-именем вождя племени гуннов Аттилы. В середине V века полчища гуннов вторглись с востока во владения Римской империи. Хотя Аттила сумел дойти до северной части Италии, особых ратных успехов он здесь не стяжал, и вскоре вынужден был покинуть Апеннинский полуостров и уйти в Придунайские земли. Согласно историческим документам в своей носледкон итальянской резиденции Бибионе предводитель гуннов зарыл клад – награбленные в походах драгоценности. Судьба отпустила Аттиле еще лишь год жизни – он умер в 53 году.

Но и Бибион оказался не вечным: древний город вскоре исчез с лица земли, поглощенный волнами Адриатического моря. С давних пор итальянские историки пытаются найти хотя бы следы его на морском дне. Однако все их попытки оказывались безуспешными, пока, наконец, удача не пришла после второй мировой войны к профессору археологии Фонтани.

Ученый выяснил и тщательно изучил путь гуннских завоевателей по древнеримской дороге из Равенны в Триест через Падую. Его поджидал сюрприз: примерно в километре от устья реки Тальяменто древняя дорога обрывалась, упираясь в одну из лагун Венецианского залила. Выяснилась и такая любопытная

деталь: камень для постройки своих домов жители здешней прибрежной деревеньки добывали из моря, причем им иногда удавалось достать со дна целые каменные блоки. Местные рыбаки поведали профессору, что не раз находили на морском дне древние монеты, которые за приличное вознаграждение они передавали в музей.

Знакомство с этими монетами позволило определить их возраст: они датировались первой половиной V века. Все говорило о том, что именно здесь следует искать пропавший полтора тысячелетия назад Бибион.

Фонтани сумел сколотить группу опытных аквалангистов, которые обследовали довольно большой участок дна залива. Они нашли массивные стены и сторожевые башни древней крепости, остатки лестниц, различные постройки. Извлекли подводники много монет, античную домашнюю утварь и даже урны с прахом.

Итак, Бибион был найден, но никаких следов клада Аттилы обнаружить не удалось. О находке легендарного города прослышали многочисленные искатели счастья, и вскоре деревушка, лежащая близ устья Тальяменто, стала настоящей Меккой итальянских аквалангистов. Одни намеревались искать здесь клад гуннского вождя, других влекла жажда приключений, третьи преследовали сугубо научные цели. Возможно, романтики и ученые хотя бы частично удовлетворили свои надежды, а вот охотники за сокровищами пока остались ни с чем.

Открытие Бибиона пробудило у многих жителей Италии да и других стран интерес к поиску затонувших городов. Число аквалангистов, ринувшихся в волны Средиземного моря, заметно возросло. Но одного из них – Раймондо Бухера, который, как обычно, проводил свой отпуск на маленьком острове Линосе, расположенном примерно на полпути между Мальтой и африканским побережьем, подводная археология мало волновала. Он увлекался подводной охотой и любил «побродить» с ружьишком в здешних водах. В тот день, о котором пойдет речь, море не баловало его богатой добычей. Раймондо уже собирался выбраться на берег, когда заметил впереди справа от себя крупного тунца, быстро уходящего в сторону моря, а чуть поодаль от него – стайку резвых пеламид. Бухер и сам не мог потом сказать, что заставило его поплыть за ними: ведь ему вряд ли удалось бы догнать эту процессию. Тем не менее он взял тот же курс. Через минуту-другую рыбы скрылись из виду, но зато внезапно аквалангист увидел под собой примерно на тридцатиметровой глубине массивную каменную стену. Ошеломленный Бухер приблизился к ней и поплыл вдоль нее. Сложенная из крупных блоков правильной формы, стена сначала

тянулась горизонтально, а затем довольно резко уходила на глубину.

На следующий день Раймондо вернулся к таинственной стене вместе с братом. И тут их поджидал новый сюрприз: на одном из зубцов виднелась вырубленная из камня угловатая человеческая фигура, напоминающая фараона.

День за днем братья, не спешившие раскрывать свою тайну, погружались в море, чтобы сделать побольше снимков древней стены. И лишь когда документальные подтверждения ее существования были в руках, Бухер счел возможным рассказать о своей находке археологам. Те, разумеется, заинтересовались подводной крепостью и попытались найти ответы на многочисленные вопросы, поставленные стеной. Что это за крепость? Какой народ соорудил ее? Когда? Как оказалась она на дне?

К решению задач подключились геологи, которые поведали, что в не столь отдаленные по геологическим меркам времена остров Мальта соединялся через Сицилию с континентом. Там, где ныне плещется Тирренское море, когда-то находилась земля Тирренис. Жили здесь древние племена пеласгов, о которых с почтением повествует Гомер: ведь они достигли высот цивилизации раньше греков и критян. Должно быть, пеласги и выстроили для защиты от вражеских набегов этот каменный бастион. По мнению ряда итальянских археологов, крепость могла принадлежать исчезнувшему с лица земли древнему городу Эфузе, который упоминается в античной литературе. Самым страшным врагом Эфузы оказалось море, поглотившее город и близлежащие территории несколько тысячелетий назад. Причиной тому была деятельность подводных вулканов: их извержения приводили к затоплению больших и малых участков суши на материке, островах, перешейках. Постепенно скрылась под водой и Эфуза со своими крепостными стенами.

О реальности такой версии говорит следующий любопытный факт. В начале прошлого века капитан британского корвета обнаружил вблизи Сицилии крохотный островок, не отмеченный ни на одной из карт. За право владения новым клочком суши, который успел получить даже не одно, а два названия – Фернандес и Изола Джулия, разгорелся жаркий спор между Англией и Неаполитанским королевством. Неизвестно, чем бы он закончился, если бы спустя полгода островок не погрузился в воду столь же внезапно, как и появился на поверхность.

На восточном побережье Средиземного моря, к югу от Хайфы, тоже есть место, где с увлечением работают подводные археологи. Речь идет об остатках древнеиудейского города-порта

Цезареи, основанного за несколько десятилетий до нашей эры на месте древнего города эллинов под названием «Башня Стратона».

Взорам туристов предстают здесь разрушенные дома II—III веков, здания театра, ипподром, два акведука, фрагменты крепостных Стен, руины замка крестоносцев. Но это только часть Цезареи. Другая часть ее находится под водой – в гавани, где когда-то порой на якоре стояло до сотни судов: столица иудейского царства была крупным торговым центром. Здесь же находилась в те далекие времена и резиденция римских прокураторов Иудеи.

Подводной Цезареей заинтересовался уже известный нам по поискам Порт-Ройяла археолог-любитель Эдвин Линк. Летом 1957 года его яхта «Си Дайвер», оборудованная по последнему слову техники, вошла в гавань, и ее экипаж начал здесь свою работу. Прежде всего с помощью электронных устройств было прощупано дно и составлена карта скрытых морем районов древней столицы иудейского царя Ирода. Затем водолазы приступили к археологическим поискам. Вскоре удалось поднять крупную статую, когда-то украшавшую вход в гавань, и несколько мраморных колонн. Больше море ничего не пожелало отдать Линку.

Спустя четыре года подводные изыскания в Цезарее продолжили израильские и итальянские археологи. Они нашли остатки здания библиотеки, которая в древности была так же знаменита, как библиотеки Иерусалима и Александрии. Но, пожалуй, еще большей удачей экспедиции стала находка постамента массивного памятника. Когда его извлекли на поверхность и основательно почистили, все увидели сохранившуюся на нем надпись: «…tius Pilatus». Это он, жестокий и коварный, прокуратор Иудеи Понтий Пилат, вошел, как поведал нам Михаил Булгаков в своем бессмертном романе «Мастер и Маргарита», «в белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого», чтобы приговорить к распятию Иисуса Христа.

Через несколько лет, после жалобы самаритян по поводу кровавого избиения их прислужниками Понтия Пилата прокуратор был отстранен от должности и отправлен в Рим. Возможно, тогда и сбросили иудеи памятник ненавистному палачу с основания. Во всяком случае найти на дне гавани рядом с пьедесталом саму статую археологам так и не удалось.

Немало утонувших городов и поселении есть и на Черном море. Еще в 30-х годах интересные подводные археологические

исследования были проведены под руководством профессора К. Э. Гриневича в районе Херсонеса – древнегреческой колонии, развалины которой находятся недалеко от Севастополя. Работавшие в скафандрах водолазы детально обследовали и измерили остатки каменной кладки жилых построек, башен и других сооружений на расстоянии до 70 метров от берега (уйти дальше не позволяла длина воздушных шлангов). Не устоял перед соблазном побывать в затонувшем городе и сам профессор К. Э. Гриневич: надев водолазное снаряжение, он отправился на прогулку и 23 минуты знакомился с покоящимися на дне руинами древнего Херсонеса.

Этими погружениями в предвоенный период было положено начало подводным археологическим исследованиям в нашей стране. Продолжить работы, значительно расширив их географию, удалось лишь после войны. Объектом внимания ученых стала, в частности, тихая черноморская бухта вблизи Сухуми. Здесь когда-то стоял античный город Диоскуриада, основанный в VI веке до н. э. греками из Милета. В начале I века городом овладели римляне, соорудившие здесь крепость. Но жизнь Диоскуриады оказалась короткой: в IV веке начался ее упадок, а спустя два столетия она и вовсе перестала существовать. Не выдержав наступления моря, город ушел на дно Сухумской бухты.

Еще в XVIII веке грузинский историк Вахуштий Багратиони писал, что в море у Сухуми из воды выступают сорок античных колонн. Время и волны постепенно разрушали их, и к нашим дням от них не осталось и следа. Но вот в 1958 году со дна Сухумской бухты была извлечена часть рельефного мраморного надгробия в виде стелы, весившей около тонны, Специалисты определили возраст этого шедевра античного искусства: V век до н. э. Спустя несколько лет археологи обнаружили здесь руины подводного города. Это и была Диоскуриада. В нескольких десятках метров от берега на дне бухты сохранились остатки круглой башни и каменной стены. «Башня диаметром около трех метров сложена из крупного булыжника…» пишет руководитель археологической экспедиции В. П. Пачулиа в книге «В краю золотого руна». – «Стену, примыкающую к башне, опоясывают три ряда тонкого кирпича. Кладка и форма кирпича характерны для римской строительной техники… Просветы в полутораметровой стене башни служили, очевидно, бойницами. Судя по примыкающей к башне стене и многочисленным строительным фрагментам, здесь когда-то находились оборонительные сооружения, блокировавшие вход в реку Беслетку.

Поиски предполагаемой верхней части стелы с

посвятительной надписью, к сожалению, не дали ожидаемых результатов – слишком велик слой ила, нанесенный рекой. Может быть, в будущем археологи, вооруженные мощными эжекторами, откачают с этого места речной ил и перед их глазами предстанет много неожиданного».

Расстанемся с многообещающей Диоскуриадой и перенесемся мысленно совсем в другую область земного шара – в Микронезию, точнее, на архипелаг Каролинских островов, лежащих в западной части Тихого океана. Впрочем, наше внимание привлек не весь архипелаг, а лишь вулканический остров Понапе, входящий в группу островов Сенявина (они были открыты в 1828 году русским мореплавателем Ф. П. Литке и названы в честь Д. Н. Сенявина – замечательного флотоводца, разгромившего турецкий флот в Дарданелльском и Афонском сражениях 1807 года). Чем же интересен нам остров Понапе?

На подводном рифе этого острова находятся руины огромного каменного города Нан-Мадола, в котором когда-то жило, по мнению ученых, примерно сто тысяч человек. Древние зодчие создали на рифовом фундаменте множество искусственных островов из базальтовых глыб и воздвигли город, рассеченный широкой сетью каналов-улиц. Именно поэтому историки й археологи часто называют Нан-Мадол тихоокеанской Венецией. Вот что пишет о нем известный чехословацкий этнограф и писатель Мирослав Стингл: «На островах Нан-Мадола неизвестные создатели первого микронезийского города построили из огромных каменных блоков десятки великолепных зданий: храмы, крепости, малые „дворцы“, а также создали искусственные озера и др. Предназначение многих построек до сих пор окончательно не установлено. Это загадка – лишь одна из многих тайн непонятного искусственного архипелага, каменного города, подобного которому нет во всей Океании».

О том, что на далеком тихоокеанском острове, вернее, рядом с ним, расположены остатки таинственного города, было известно давно. В литературе, например, имеется упоминание о некоем бельгийском антропологе, побывавшем там в прошлом веке и собравшем кое-какие любопытные предметы, подтверждающие существование «мертвого города». Но на обратном пути судно потерпело крушение и затонуло. Все «вещественные доказательства» ушли на дне». На рубеже прошлого и нынешнего веков серьезные научные исследования Нан-Мадола провел немецкий археолог Пауль Хамбрух, сосредоточивший свое внимание на топографии древнего города. Ученому удалось нанести на карту 92 острова – «микрорайоны» тихоокеанской Венеции.

Примерно в то же время на Понапе произошел загадочный случай, не только взволновавший местное население, но и получивший резонанс в Европе, в частности в Германии, которая владела тогда Каролинским архипелагом. Среди жителей острова ходила легенда, утверждавшая, что каждого, кто рискнет провести ночь среди руин Нан-Мадола, непременно ждет скорая гибель. И вот вопреки этому предостережению германский губернатор Понапе некто Берг отважился переночевать в «мертвом городе». И что же? Он внезапно умер уже на следующий день, хотя прежде не жаловался на свое здоровье.

Но все же не это, видимо, следует считать главной загадкой острова. В самом деле: ученых волнует множество вопросов, на которые еще не получен ответ. Кто и когда построил Нан-Мадол? Откуда, с какого континента, из какой страны, каким образом прибыли сюда сотни тысяч будущих нанмадольцев? Что заставило их покинуть свою землю? Где древние строители высекали громадные каменные балки и блоки, из которых сооружен город? Какой техникой пользовались они? Впрочем, этот перечень вопросов может быть сколь угодно длинным…

Попытку приоткрыть завесу таинственности над Нан-Мадолом предприняла сравнительно недавно группа австралийских ученых во главе с Дэвидом Чилдерсом. Прежде всего они тщательно изучили исторические и фольклорные документы, имеющие отношение к «мертвому городу». Как гласили здешние предания, большие строительные камни прилетели сюда по воздуху, а построили город «туземцы с помощью двух пришельцев, приплывших с востока». Любопытным оказался и такой факт: архитектура Нан-Мадола настолько своеобразна, что ей нельзя найти явную аналогию в других частях планеты. Пожалуй, единственный вопрос, на который удалось найти более или менее точный ответ, – возраст города. С помощью современных научных методов ученые установили, что он был воздвигнут два тысячелетия назад. Все другие свои тайны Нан-Мадол выдавать не стал.

Более того, в ходе работ выяснилось нечто такое, что породило массу новых исторических проблем: по всей вероятности, Нан-Мадол сооружен на месте гораздо более древнего города, ушедшего под воду по меньшей мере десять тысяч лет назад. Надо сказать, что еще накануне второй мировой войны, когда острова Сенявина принадлежали Японии, время от времени появлялись слухи, будто японские ловцы жемчуга видели под водой недалеко от руин Наш-Мадола колонны и дома, стоявшие на морском дне. Молва уверяла даже, что японские водолазы нашли в затопленном городе и подняли на поверхность

несколько платиновых саркофагов. Так ли это на самом деле, никто с уверенностью сказать не, может, зато сведения о подводных сооружениях нашли подтверждение и в послевоенный период, когда архипелаг получил статус подопечной территории ООН, управляемой США: лежащий на дне город видели участники ряда американских экспедиций.

И вот теперь Чилдерс и его коллеги могли визуально познакомиться с одним из древнейших поселений нашей планеты, находящимся не на земле, а под водой, как бы напоминая о том, что именно Мировой океан – прародина всего живого и рукотворного в окружающем нас сегодня мире. «Огромные колонны, украшенные кораллами, поднимались со дна лагуны, а навстречу нам из глубины выплывали акулы», – вспоминал Чилдерс на страницах одного из австралийских журналов. Аквалангисты, погружавшиеся на глубину 20—35 метров, насчитали дюжину таких колонн. Кроме того, на базальтовых глыбах, покоившихся на дне, удалось обнаружить довольно четкие рисунки – различные геометрические фигуры.

Среди историков бытует гипотеза, основанная на китайских и индийских легендах: когда-то, в незапамятные времена, на месте многочисленных тихоокеанских архипелагов находился материк, именовавшийся Му, или Лемурия. Так не являются ли острова и подводный город в лагуне у Нан-Мадола дошедшими до нас крупицами этой суши и выросшей на ней древней цивилизации, к сожалению, не уцелевшей до наших дней?